

Шнотенко У.А.

«РЫЖИЙ»

или

«ЛЕШКЕ БРОЛЕС»

(ЛЕСНЫЕ БРАТЯ ПРИБАЛТИКИ)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

18+

Игорь Шпотенко

**Рыжий, или Лешке бролес.
Лесные братья Прибалтики**

«Автор»

2019

Шпотенко И. А.

Рыжий, или Лешке бродес. Лесные братья Прибалтики /
И. А. Шпотенко — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-03485-3

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Учит любви к своей Родине, воспитывает нравственность, показывает силу настоящей любви между людьми. Трудное детство и отрочество главного героя в довоенном Донбассе, участие юноши в ВОВ, учёба и погоны офицера МГБ, борьба с бандами в районах г. Шауляй в Литве, настоящая любовь к литовской девушке и трагический финал. В основе произведения лежит судьба реального человека.

ISBN 978-5-532-03485-3

© Шпотенко И. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава I.	6
1.	6
2.	11
3.	26
4.	40
5.	47
6.	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Игорь Шпотенко

Рыжий, или Лешке бродес. Лесные братья Прибалтики

ПРОЛОГ

Александр Николаевич Шёпот был в приподнятом настроении. В новеньком кителе с новыми погонами старшего лейтенанта ГБ, полученными досрочно за выполнение особо важного задания по ликвидации очередной банды лесных братьев или «Лешке бродес» в лесах Советской Прибалтики, разгулявшихся после окончания Второй Мировой войны и не дававших строить Советскую власть и мирный труд народам Литвы, Латвии и Эстонии, выехал с Шауляя, и теперь мчался на своём, ещё практически новеньком немецком мотоцикле BMW R75 желтого цвета типа «Сахара», полученного им на одном из многочисленных складов—схронов, оставленных отступающими гитлеровцами своим союзникам литовским фашистам, по хорошей трассе в сторону городка Кельме, к своей можно сказать, невесте, а точнее на первые смотрины к её родителям на хутор, где они постоянно проживали своей большой крестьянской семьёй. В его коляске, рядом с ППШ и подсумком с запасными дисками, схемой пути, нарисованной рукой девушки, стояла корзина с продуктовым набором офицера, которую Саша получил вместе с новыми погонами в виде благодарности. Две бутылки настоящего армянского коньяка «Арагат», набор из консервов рыбных, мясная тушёнка ещё американская, шоколад и две не большие палки «салями» завершали продпаёк. Его Радмила с большим трудом уговорила отца, старого Януке, на брак с украинцем, и теперь он не мог ударить в грязь лицом. На подарок будущему тестю он вёз курительную трубку и пару пачек хорошего кубинского табака, который выменял у старшины зав складом за диск патронов к ППШ, матери, будущей своей тётке – тёплый пуховый платок, а своей Радочке – маленькое золотое колечко. Мотоцикл офицера свернул с трассы сразу после Кельме и сбавив ход стал катиться по просёлочной дороге в направлении посёлка Ужвентис. Сентябрь. Ранняя осень 1952 года играла всеми своими красками, делая попытку перекрасить все свои цвета под цвет волос этого украинского парня. Ещё не холодало, но и особенного летнего тепла уже не было. На клёнах только сейчас стали желтеть первые листья, осыпаться они ещё не желали и по—этому висели вместе с зелёными радуя взгляды. Вот и лес, по дороге через 4км хутор. Рыжий красавец ускорил ход своего железного коня. Выезжая из расположения части, где проживал в домике для начсостава, он предупредил дежурного по части о том, куда едет и где будет находиться до вечера. Увольнение было подписано самим командиром под полковником Кузнецовым, до 21 часа. Приблизительно через 2км лесная дорога делала не большой поворот и на этом месте лежало дерево. Саша остановил мотоцикл, встал, взял свой автомат с коляски и передёрнул затвор...

Глава I. НАЧАЛО

1.

Глава семьи Николай Петрович Шёпот с трудом сводил концы с концами. Двое душ детей – девки Наташка и Нинка, они с женой Катей, её престарелые родители, да ещё и старая бабка Мотря, которой было за 90 лет, седая как лунь, без единого зуба, да в придачу ещё и глухая как пень. Дом давно требовал большого ремонта, проще его было снести и поставить новый, чем делать старый. Покосившиеся стены, не плотно закрывающаяся дверь, выпавшие ставни, гнилая соломенная крыша и русская печь давно с не чищенными ходами дымила и коптила, угрожая всякий раз всем живым своим угарным газом. Николай работал на своём куске поля, занимался высадкой подсолнечника на постное масло. В 1926м году в Воронежской губернии, где они жили в не большом селе близ Валук, случилась большая засуха. С неба Бог не дал людям ни капли дождя за их грехи, лишь нещадно палило злое, огромное солнце, да задувал лиходея ветер с донбасских бескрайних степей, высушивая и поднимая и так не совсем благодатную землю в небо в виде коричневой пыли.

Урожай сгорел не поднявшись. Даже на силос нечего было убирать. И тогда Николай Шёпот решился. Отремонтировав кое – как старую тачку, усадил на неё бабку Мотрю с не хитрым своим скарбом, навязал всем своим родичам сидоры с их вещами, построил всех и толкая тачку вперёд себя отправился на Донбасс, куда уже давно звали его друзья товарищи. Трудной и не лёгкой вышла его дорога. По пути от голода похоронили бабку Мотрю, ели всё что попадалось в пути, ловили ящериц, если повезёт натирали с уже убранных полей зерна с упавших колосков и варили варево, приходилось воровать картошку с огородов селян. К первым холодам, все измотанные и практически без сил вышли у Славяносербского района Луганской губернии к руднику Криворожский. Его в 1890м году только организовал французский миллионщик и строительство здесь шахты и её двора после революции шло полным ходом. Молодой стране был необходим коксующийся уголь для металлургических комбинатов, нужен был металл для станков и машин и поэтому на шахты стекался народ со всех близ лежащих сел. Уголь выходил прямо наверх и его копали с помощью обушков и обычных лопат. На ряду с самой шахтой в полную силу шло строительство кирпичного завода. Кирпич делали с глины, которая добывалась при рытье ствола шахты, с него затем строили здания шахтного комплекса. Руководил инженер строитель с самого Ленинграда. Рабочие руки требовались. По – первах денежного довольствия не было, работали за питание и кормёжку семей. На стройку стекались изнеможённые голодом люди со всей округи. Жили в землянках на скоро вырытых в определённом месте. Каждому в землянку выдавали печь – буржуйку и дрова к ней, так как зимы в Донбассе бывают и под 30ть с гаком градусов холода. Николая Шёпота на работу взяли в артель по копке шахтного ствола, старый тесть пошёл по своей специальности—плотником. Все дети старше 10ти лет работали подсобными рабочими. Работы распределял и жёстко контролировал десятник Григорий, вернувшийся с гражданской войны молодым инвалидом без одной ноги. Ходил он, как пират, на костыле – протезе, который сам и изготовил. Рассказывали, что он этим протезом чуть не убил одного задиру в трактире. Катя Шёпот работала подсобницей на изготовлении кирпича, замешивала ногами глину. Землянку вырыли себе хорошую по размеру и довольно глубокую почти 2.5 аршина, перекрыли в два наката и пересыпали дерево глиной, а сверху просто землёй с шлаком. В землянке по центру установили печь, изготовленную местным умельцем с железной бочки с кривой трубой, а у стен установили двухэтажные нары

для сна по всему периметру. У бочки небольшой стол, за которым могли сесть три—четыре человека. Катя была очень рада и такому счастью. Освещалось помещение горячей лучиной, которые изготавливали младшие дети, они же и следили за горением. Свечи могли позволить себе не все, а керосиновая лампа уже считалась роскошью. Помогала ночью только лампадка, горящая у лика Господня иконки, которую привезла и повесила заботливая Катя, свет от блика которой, не давал ночью оступиться при выходе по нужде.

Питались строители рудника в общей столовой. Был построен из хорошего тёса добротный, длинный барак с деревянной покрытой свежим камышом, крышей. В помещении этого строения были сложены из кирпича две большие плиты с огромными чанами в нутре, в которых и варили пищу для рабочего люда. Кухарила толстая тётка Дарья гражданская жена одноногого Григория. Помощницами к ней ходили бабы, имеющие грудных детей, на короткое время между кормлениями, но за это время успевали почистить картошку на борщ, и посуду помыть и подготовить всё к трапезам. Очерёдность строго соблюдалась и ни одна молодуха не могла отказаться от этой повинности. Кормили хорошо, мясо давали ежедневно по установленным для работающих нормам.

Артель, в которой работал Николай, разделена была пополам. Одна часть копала уголь на уже готовом горизонте, а вторая углубляла и бетонировала ствол для того, чтобы открыть следующий, более глубокий горизонт. Уголь в основном шёл на нужды мет комбината в городе Ворошиловск. В хорошую неделю проходили до 5ти – 6ти аршин ствола диаметром в 6ть метров. За год необходимо было прорыть и про бетонировать до 100 метров в глубь. Работы шли в две смены по 12ть часов с одним выходным в месяц если конечно не выпадал священный праздник. Нормы повышались руководством каждый месяц. Оплаты практически не было, но все рабочие дни строго фиксировались, и руководитель обещал всё выплатить с прибылей будущей шахты. Все жили надеждами и радовались тому, что питаются хорошо, и дети не умрут с голоду. Было ещё одно преимущество в их работе. По указу правительства работников шахт не призывали к службе в армии.

Наступила зима 1927 года. Тёщу забрал к себе старший брат Кати Трофим. Он переехал жить в Родаково, где устроился машинистом на паровоз в новое ДЕПО и сейчас строился. Колючие морозы доходили до отметки в 40к градусов с минусом. В землянках самодельные печи не справлялись с отоплением, дети болели, лечить было не чем, а в семье Николая прибавление в семействе, первый мальчик, богатырь и рыженький. Катя с Николаем гадали на кого мог быть он похожим? В семье все чёрные, как воронье крыло, а он рыжий. «Это нам Боженька послал радость долгожданную» радовалась Катя «Мальчик от солнышка рожденный. Счастье в дом.» Радовался сыну первенцу и Николай. Он сходил к директору шахты и выпросил в счёт будущих расчётов новый ватник вместо одеяла для малыша и несколько аршин байка для портянок на пелёнки. Директор рудника с уважением относился к хорошо работающему и не пьющему Николаю и вызвав к себе хромого Григория распорядился всё выдать. Мальца назвали Сашенькой. Молока у Кати было много, благо норму питания увеличили и добавили мяса. Для отопления своих землянок каждый шахтёр приносил после смены домой мешок с углём прямо с забоя. Лес на дрова так же брали в забое после посадочных работ. Конечно это было очень опасно доставать сломанные стойки после посадки забоя, но делать было нечего, больше ни где лес не взять, и шахтёры шли на эти нарушения. Руководство всё знало, но закрывало на это глаза, чтобы не обострять и так тяжёлые условия жизни своих трудяг.

Санька рос сильным и смышлённым пареньком. Сёстры Наташка и особенно Нина любили брата и учили всему, что сами узнали в школе. Уже в три года Саша хорошо разговаривал, знал на память много детских стишков и практически знал всю азбуку. Катя и Николай души в нём не чаяли. В 1931 году Николаю Шёпоту за старательный труд руководством рудника и профсоюзным комитетом был выделен участок земли и весь необходимый материал для строительства своего жилого дома. Николай работал как вол. Катя не помнила, когда же он спал, ночь в

шахте, днём на своей стройке. Николай спешил к зиме поставить дом и переехать с опостылевшей всем землянки. Была ещё одна причина, Катя вновь была беременной. Николай уже год работал в добычном забое. Директор не обманул и после запуска всего комплекса шахты им всем была выплачена вся задолженность по заработной плате. Появились деньги на покупки необходимого. Страна поднималась с колен, тяжело, больно, но вставала и развивалась.

Осенью с первыми дождями и заморозками, семья въехала в новый, просторный дом из трёх комнат и своей кухней. Русских печей в Донбассе не ставят, а пользуются простыми голландскими печами много ходовыми с заслонками, поддувалом и топкой с колосниками. Катя быстро привыкла к новшеству и даже, сама научилась её разжигать по утрам и чистить. На пяти сотках земли, выделенными их семье поставили не только дом, но и сарай для угля и дров, курятник, пока ещё без кур и небольшую летнюю кухню с такой же печью только поменьше, чтобы летом было где готовить. Небольшой огородик для первой зелени и картофеля и место под плодовые деревья, в основном абрикос и вишню. Семья Шёпот была на высоте от того, что стали жить нормально в советской стране. Николая приняли кандидатом в члены партии большевиков.

В конце зимы 1932 года в семье появился ещё один мальчик. Его назвали в честь В.И. Ленина Владимиром так как Николай к тому времени получил свою кандидатскую карточку большевика. Теперь вся забота о маленьком брате полностью легла на маленькие плечи Саши. Старшая сестра Наташа поступила на рабфак учиться на швею, Нина заканчивала семилетку и готовилась поступать на модную профессию электро—механика в горном техникуме, а маме Кате необходимо было работать на своём рабочем месте на кирпичном заводе. Рудник строился и требовалось много кирпича. Построили новую школу, комбинат с хорошей баней и прачечной, компрессорную, большой конный двор с тёплыми конюшнями (в шахте тогда работали только лошади на доставке вагонеток, отсюда и старое название светильника—коногонка), капитальную столовую, в которой питались и дети после школы. В проекте детский сад—ясли. В новой конторе открыли большую библиотеку. Готовили к подключению первую подстанцию для домов шахтёров, шла усиленная заготовка столбов. Рудник развивался.

Маленький Саша внимательно слушал маму и старался делать всё именно так, как она скажет. Кате давали через каждые три часа немного времени, чтобы прибежать домой и покормить мальчика, подбросить угля в горящую печь. Она давала указание Саше и тот неукоснительно его исполнял. Скажет Катя ему: «Стой и не отходи от кровати Вовочки, показывай ему игрушку и пой песенку» сын не отойдёт и будет постоянно петь, пока мама вновь не прибежит кормить. Но никто не жаловался, да и жаловаться особенно некому было, все так жили. Заболел и слёг старый тесть и на маленькие плечики Саши легла ещё одна забота – следить за больным дедом. К Пасхе деда похоронили, но у Саньки забот меньше не стало. С маленьким братиком надо было гулять на свежем воздухе. Мальчик научился пеленать ребёнка и на руках выносил тяжелеющий свёрток на улицу. Он садился на свою маленькую скамейку, сделанную ему покойным дедом в подарок, держал на руках не всегда спокойного брата и терпеливо гулял, давая ему возможность дышать свежим воздухом в своём дворе у своего дома. Катя по началу волновалась, но потом привыкла. Ночами она рассказывала вернувшемуся с работы мужу про прошедший день, про Саньку, помогавшего ей с вторым сыном. Николай в мыслях жалел сына, но поделать ничего не мог. Он старался хотя бы чем-то отблагодарить сына. Катя, перед работой сама заворачивала тормозок мужу в газету. Николай специально не доедал кусочек сала с хлебом и приносил назад. Отдавая остатки Саше, он правдиво говорил, что в шахте живёт зайчик и вот он тебе передаёт. Саша ждал каждый день. Катя ругала мужа, а сама ночами плакала над его заботой. Так прошёл ещё год и как-то вернувшись с шахты, Николай увидел шагающего по полу Володю. «Вот и Вова пошёл, а мы с тобой не заметили» сказал он жене, садясь за ужин. «Так и вырастут пацаны, а мы с тобой не заметим, как не заметили, как поднялись обе дочери» ответила Катя вытирая слезу своим платком. «Ничего, Катюша, мы с тобой ещё

одного купим» улыбнулся муж. «Та прям, ты этих определи, нищету разводить» ответила Катя и прижалась к Николаю всем телом. «Я бы ещё пятерых от тебя родила, лишь бы жить было хорошо» Николай погладил голову жены, мало, ох как мало знавшей мужскую ласку.

Осенью 1935го года в семье Шёпотов снова прибыло. Катя родила третьего мальчика Анатолия. Саша уже ходил во второй класс новой школы, Наташа вышла замуж и уехала с мужем на его родину в Белоруссию, Нина училась в Кадиевском горном техникуме на электро—механика. Володя, по сравнению с Сашей, нянькой оказался плохой. В свои 3,5 года плохо говорил, постоянно капризничал и мог сам съесть приготовленную мамой для малыша молочную кашу. Выручала до обеда старая соседская бабушка Нюра, которую Катя просила поглядеть за мальцом, пока со школы не приходил Саша. Вова и Толя были тёмными с такими же коричневыми глазами, а Санька всё больше разгорался. Огненно рыжие выющиеся волосы на его красивом с мальства лице, были завистью соседских старших девчонок. Где бы он не появлялся, на вопрос: «Где ты взял такие красивые волосы?» Саня гордо отвечал: «Солнышко подарило». Науки ему давались просто. Хорошая врождённая и потом отточенная занятиями с сёстрами в детстве память, помогала ему в учёбе. Он мог один раз прослушать рассказанную учителем тему и тут же слово в слово пересказать. Особенно ему давались литературы. В школе на Украине учили два языка русский и украинский. Классная руководитель, пользуясь этим, каждый раз выставляла Сашу на всех показательных выступлениях или открытых уроках. Мальчик не кичился этим и не противился, ему так же нравилось быть публичным. Но на ряду с отличной памятью он не был тихоней. Первый в классе драчун. Он уже с 10ти лет не позволял себя обижать старшим пацанам, не разрешал его дразнить по цвету его красивых волос. Услышанное когда-то во взрослом разговоре выражение: «Если драки не избежать- бей первым» постоянно применял в своей жизни. На него жаловались его отцу Николаю Петровичу, на что тот всегда отвечал; «Они дети сами разберутся. Вот мы с Вами поругаемся сейчас, а они через 20ть минут уже всё забудут, и получится, что мы враги, а с них, как с гуся вода. Так давайте не лезть в детские отношения». И многие сразу соглашались. Николай сильно любил своего первенца и конечно же многое прощал. Братья росли как на дрожжах. Вытянулся и стал настоящим крепышом рыжий Саша, чуть меньший по росту, но такой же задира Володя и малец, тихий и спокойный Толик от которого бывало за день и слова не услышишь. Саня своих братьев в обиду не давал. В 1939м в школу пошли уже двое, Вова в первый класс Санька в шестой. Толя целый день мог сидеть на лавочке на против выгона курей и рассматривать птиц, или играть самодельными игрушками, которые ему делал Саша своими руками. Особенно у него получались паровозы с вагонами. Саня представлял себя машинистом паровоза, как его дядя мамин младший брат Трофим, живущий после переезда в посёлке Родаково Ворошиловградской области и мчал на всех парах по бескрайним просторам огромной советской страны. Братья играли роль вагончиков. Шумно было в этот момент в ухоженном и уютном дворе Кати и Николая Шёпотов.

Была ещё одна причина шума во дворе. Николай Петрович умел править кости. Кто и когда привил ему этот дар уже никто не помнил, но народ к нему шёл со своими вывихами, болями и страданиями. И Николай всем старался помогать. То сустав на место поставит после падения на льду, то мышцу, то вывих. Несли к нему и грудных детей. Плату он не брал, но люди от души приносили спиртное, поэтому в доме самогон был всегда. Николай пил мало, если не сказать вообще не пил, но на праздник мог пригубить. Катя знала его норму и привычки. Случалось, пригласят их на какое-то веселье, Николай нальёт себе один раз стакан под «Марусин поясок», выпьет и веселится, больше ни-ни.

В 1940м году вышла замуж Нина, вторая из сестёр. Её муж был военным, ходил в форме лейтенанта артиллериста и много рассказывал о службе в Красной армии. 14ти летний Санька слушал его рассказы и похоже был влюблён в нашу артиллерию. Он уже знал, что такое мортира, гаубица или зенитное орудие, диаметры стволов и что такое волшебное слово калибр.

Отбыв месяц его отпуска молодые уехали по месту службы Нининого мужа Сергея в только что освобождённую закарпатскую область. Катя немного погоревала тому, что старшая дочь жила в Бобруйске, вторая уехала в какой-то Стрий, остались одни мальчишки. Но время лечит. Она продолжала работать на кирпичном заводе только теперь уже на обжиге продукции. Николай то же получил повышение, теперь он руководил бригадой добычного забоя и принимал активное участие в Стахановском движении. Канули в прошлое обушки, теперь все работали на отбойных молотках. Заработки были хорошие и летом 1940 года Николай, посоветовавшись с женой, купили подросту Саше велосипед с моторчиком. Улица Ленина, на которой жила семья Шёпотов, не спала несколько дней, пока Саня учился управлять этим зверем. На каникулах парень работал на шахтной конюшне, чистил лошадок, работающих в шахте, пас их с соседскими пацанами, купал в не глубоком озере, которое образовалось за терриконом после откачки воды с шахты, косил траву на заготовках на зиму. Лошади практически были все слепые после постоянной работы в темноте и паслись они перевязанные между собой длинной верёвкой и стреноженные передними ногами. Саньке работать нравилось. Он забирал с собой в поле братьев и те целыми днями гоняли по траве под его присмотром. Как когда –то сёстры учили Саньку, теперь он помогал делать уроки Володе, а Тоца садился рядом и внимательно все слушал и запоминал. Вова был с ленцой. Вот что ни будь съесть это он мог, а лишний раз повторить стишок не желал. Рудник «Криворожский» жил своею жизнью, строился, учился, любил, рожал детей, добывал для страны ценный коксующийся уголёк и был далёк от политики.

2.

Литва в тридцатые годы двадцатого века считалась окраиной большой Европы. Не многочисленное население коло 3,5 млн, удалённость населённых пунктов между собой, лесистая и заболоченная местность, множество мелких речушек и озёр, практически полное отсутствие тяжёлой промышленности. Граждане деревень занимались сельским хозяйством, скотоводством, а основным занятием был рыбный промысел. В стране на огромном пространстве богатого Балтийского моря, работали многочисленные артели рыбаков. Богатые литовские предприниматели покупали или изготавливали не большие лодки, которые затем сдавали в аренду артельщикам. За это они имели основной доход от всего улова.

Хутор старшего в семье Януке Звайниса располагался в пойме небольших речек Вянте и Дубиса в лесу, между поселениями Кельме и Ужвентис. Деревянный дом с просторным чердаком в полный рост, большой сарай для зимовки пасеки, коровник, свинарник, конюшня, большой крепкий амбар, сарай для хранения трактора и сельскохозяйственного инвентаря, своя молотилка и мельница на искусственно сработанном водопаде, сарай с птицей, сарай для утвари, баня – всё это добро капитально выстроенное на огромной лесной поляне было обнесено крепким деревянным забором. Несколько немецких овчарок несли свою собачью службу по охране. Януке был старшим в семье, после умершего, в след за смертью матери, отца. Два его младших брата близнеца Витаус и Владис жили в Шауляе и занимались коммерцией. Они держали пару магазинов сладкого. Сюда они приезжали только для того, чтобы забрать на продажу у старшего брата мёд, который ему давала довольно большая пасека. Януке любил свою работу и вёл ухоженное хозяйство грамотно, приучая к не лёгкому крестьянскому труду и своих ближних. У него кроме жены, красивой высокой и стройной, с пышной соломенной косой и огромными голубыми скандинавскими глазами Герды, было четыре сына, которых жена ему рожала через каждые два года. Старшему, уже женатому, Стасису было без малого 24года, затем шёл Григонис, Костас –любимчик мамы или просто её копия и самый малый 17ти летний Миндаугас, не по годам умный и смышлённый парень. Жена старшего сына Стасиса, Ядвига и сама мать Герда, были беременны. Все знали свои обязанности по хозяйству и чётко их выполняли. Не справляясь с таким большим хозяйством Януке брал на работу от бти до 10ти человек батраков из них 2 женщины для работы на кухне и дойке коров. Батраков брал с соседних деревень на родственной основе, но не обижал, платил исправно и помогал продуктами их семьям. В начале лета 1934года, Бог услышал молитвы Герды и просьбы Януке и послал в дружную семью девочку. Назвали её Радмила, дома называли Радочкой. На второй день после рождения дочери на свет появился и первый внук, которого назвали в честь отца невестки Янисом. Новоявленный дед и молодой отец Януке собрал на крестины мальцов всех родичей. Зарезали самого жирного кабана, побили гусей, нагнали водки. Столы ломились от приготовленных блюд. Януке был рад и принимая поздравления, сам раздавал гостям подарки. Хутор жил...

Радочка росла крепенькой, здоровенькой деревенской девочкой, которую любили практически все. Братья старались где-то достать вкусности и подарить маленькой сестрёнке за поцелуй. Невестка, сидевшая со своим сыном и пока не работавшая по хозяйству, занималась и воспитанием девочки. К трём годам пара мальцов знала на память несколько местных стихов, умели считать до 10ти, прилично разговаривали. Росли дети хоть и немного избалованными, но послушными. К 5ти годам у маленькой пары появились свои обязанности по хозяйству. Они утром выгоняли стадо гусей к речной заводи, а вечером открывали ворота перед гогочущими возвращающимися птицами и давали им зерно.

Счастье семьи рухнуло в августе 1940 года, когда Литва вошла в состав СССР. Они все были настолько далеки от политики, что по началу ничего и не поняли. Первое время ничего не происходило. Все жили, как и раньше, только на их хутор стал наведываться участковый

уполномоченный русский парень совершенно не говорящий по-литовски. Его, как и положено законопослушным гражданам, хорошо всегда принимали и угощали, хотя и говорили на языке жестов. Они—то русского языка не учили, да и не слышали на своем то хуторе. Один раз в закрытые ворота сильно постучали. Костас открыл их и был брошен с силой на землю. Во двор вошла толпа вооруженных людей и стали всё хозяйство описывать. Руководил этим всё тот же участковый, а с ним ещё местный активист, назвавшись председателем колхоза «Новая Литва», совершенно не понимающий ни чего в сельском хозяйстве человек. На глазах у большой семьи тружеников изымали их, годами наработанный, нажитый тяжким трудом и потом инвентарь, косилки, молотилки, выгнали трактор, забрали бть лошадей с жеребятами, 9ть голов коров и двух быков, забрали всю птицу, свиней и ягнят. Единственное не догадались искать пасеку, которую на лето вывезли на луг, который Януке ещё со своим отцом нашли на болоте и дорогу туда, через топь, знали только они.

Рада и Янис пытались отнять своего любимого белого ягненка, но милиционер грубо их отшвырнул, после чего девочка упала и зашибла себе коленку. Григонис двинулся было к обидчику маленькой сестры, но отец жестом его остановил. Вся семья с ненавистью стояла и наблюдала за этим беспределом. «Ничего, суки, мы с вами ещё поквитаемся, мрази, слезами и своей кровью умоетесь» прошипел хозяин хутора в след, уходящим с довольными лицами, сборщикам контрибуции. «Будьте вы трижды прокляты». Закрыв ворота Януке сел на скамейку, принесённую одним из сыновей, потер разболевшуюся голову и тихо сказал: «Ну что же выходит пришла пора братья за винтовки. Но сначала берём топоры и лопаты и начинаем рыть схроны в лесу. Видно, что борьба только начинается».

Рано утром вооружившись всем необходимым инструментом и запасом продуктов на два дня, отец с сыновьями отправились в лес на строительство тайного жилья—схронов. Весь предыдущий вечер мужчины горячо обсуждали случившееся, строили планы начала борьбы с агрессором, готовились защищать своё нажитое добро от пришлого люда и местной гольтьбы. «Сыны мои» обратился к парням отец: «Необходимо создать организацию для этой борьбы. Думаю, что к нам скоро присоединятся многие обиженные граждане нашей Литвы. Мы не едины. Коммунисты раскулачили свой российский народ и теперь навязывают нам свою идею коллективизации. Мы должны вступать в какие—то колхозы, при этом сдавать туда всё что имеем и станем мы все равны с их слов. Как же так? Я и мои деды с отцом всю жизнь копили, собирали и работали, чтобы Вам, нашим детям всё передать, чтобы Вы жили и наживали для своих детей—наших потомков. А что теперь? Я становлюсь в один ряд с нищим алкашом, которому нечего нести в колхоз, которому я кроме уборки корявящих лепёх не доверял никакой работы, ибо он дурак. Теперь мы с ним равны? Моё благополучие будет просто так получать мой бывший батрак? Ну уж нет. Этого не будет никогда, пока я жив. Может кто-то из Вас думает иначе?» «Что Вы отец?» возмутились все сыновья сразу: «Мы от Вас никуда, только вместе будем бороться с советами. Выпустим их синюю кровушку в нашу не покорённую землю Великой Литвы.» «Завтра начнём копать первый схрон. Всего на первых порах надо выкопать шесть штук. Один не большой, как наш штаб. Об нём знать будут только мы и ни одна душа более. За тем пять больших схронов, что бы там можно было разместить до 10 человек за один раз. Со спальными местами, местом где готовить пищу, отхожим местом, вентиляцией и, если такая возможность есть—колодцем с водой внутри. Создавать запасы продовольствия и его хранить. В этих схронах будем мы с вами руководить нашими будущими отрядами, но опять же простые бойцы должны знать только свой схрон. Это наша первая с вами, сыны мои, задача. В промежутках между строительством нам надо достать оружие. Для этого организуем нападения на милиционеров и вооружённых активистов. Их самих будем вешать, что бы остальная гольтьба не шла к ним на службу».

За разговорами семья, хорошо знавшая местные леса, пришла к старой вырубке не далеко от реки Вянта. Вырубку забросили несколько лет назад. Хорошие деревья попилили и вывезли,

а всякий горбыль, тонкие брёвна так и лежали в высокой, давно не кошенной траве. Преимуществом было ещё и то, что в реке было много рыбы, а значит от голода уже никто не умрёт. «Здесь выкопаем наш с Вами штабной схрон» сказал отец и с силой вонзил остриё лопаты в мокрую землю. Мужчины разделись до пояса и взялись за разметку. Вбили кольшки и натянули, припасённую с дома, суровую нитку. Первым делом аккуратно сняли травяной наст и сложили его на мокром берегу. Затем, разбившись по парам, стали копать землю влажную, липкую и заполненную корнями трав. Дальше пошло легче. Углубившись на пол метра сели передохнуть. В семье никто не курил. «Мне кажется, что маловат наш штаб» выдал Стасис: «Вот так будет спускная лестница стоять, дальше стол с лавками, по периметру три двухэтажные нары, тут поставим печь и всё, нет места для уборной, надо бы ещё одну комнату распланировать, а отец?» «Да, сынок, тут ты прав, не одну, а две ещё надо, оружие так же надо где-то хранить» Разметили ещё две комнаты и стали рыть.

К вечеру семья углубилась в сырую землю по грудь. Глина шла тяжёлая, с трудом давалась каждая лопата. «Всё, дети мои» сказал отец, когда солнце уже касалась веток леса: «Григонис, сынок, давай-ка налови нам рыбки на ужин, да побольше, а Миндаугас и Костас навярят нам ушицы к ужину» Братья молча пошли выполнять просьбу отца. Стасис тем временем подготовил кострище с треногой под котелок и распалил огонь. Блики огня весело заиграли в наступающей мгле. Григонис не успевал бросать снасть в тёплую августовскую воду реки, казалось, что рыба сама просится в котёл. Жирный подлещик, полосатый окунёк, блестящая плотвичка. За пол часа ведёрко было почти полное. Чистил рыбу сам отец. У него это получалось как-то быстро и чисто. Костас разделил всю рыбу на большую и мелкую. За тем бросил в кипящую воду всю мелочь и пошёл успеть до темна нарвать травы в варево. Он знал травы и умел их находить. Принеся и помыв траву он шумовкой достал сварившуюся мелочь с котла и бросил туда крупу пшена и картофель очищенный, но не резаный. Через некоторое время опустил кусками большую рыбу и немного посолил. Запах от варева стоял по всей поляне. Уже давно стемнело, все вымылись в реке после дня тяжёлого труда и ждали начала ужина. Потянуло вечерней прохладой с реки и появились первые комары. Костас стал разливать похлёбку по мискам, отец резал хлеб и раздавал своим сынам. Семья с удовольствием ужинала. Пять мужчин управились с ужином и повалились у костра спать, утром снова за работу. У костра дежурили по очереди, но старый Януке немного подремав уложил дежурных и стал сам руководить огнём, не давая ему погаснуть, чтобы не застудить своих детей под утренний холодок. Януке любил своих детей, любил каждого, и каждый был ему очень дорог. Он не разбирался, кто старше, кто меньше, если хвалить, то всех сразу, если давать конфеты, то всем одинаково, если наказать, то же всех вместе. Он детей не бил, но его боялись, как огня. Знали тяжесть отцовской руки. Когда—то к ним на хутор забрели цыгане и попытались угнать с ночного лошадей. Януке догнал воров и четверым здоровым мужикам чёрного племени сломал по руке, но в полицию не заявил. Об этом знали все в округе и говорили перешёптываясь. Уже светало, когда глава семьи взял, вычищенный сыном с вечера котёл, набрал в него воды и стал чистить картофель бросая его не резаным в закипающую воду, чтобы молодёжь смогла позавтракать перед тяжёлым очередным днём.

Молодые, здоровые парни с шумом плескались в утренней воде тихой Вянты. Старый Януке слил воду и достал подсолнечное масло с луком и солью, нарезал хлеб. Ели быстро и молча. «Сегодня к вечеру мы должны закончить все работы по рытью и подготовить материал для стен, пола и перекрытия. Завтра кроем и засыпаем первый схрон землёй. Затем проведём все внутренние работы по благоустройству временного жилья в землянке» рассказывал отец свой не хитрый план работ. Никто не возразил, все были солидарны. Работа спорилась. Уже ближе к обеду вырыли полную глубину будущего жилья больше 3х метров. Младшего высокого, но худого Миндаугаса отец оставил выравнивать стены и вычистить пол, а с остальными сынами переключились на подготовку дерева для стен и пола. Для перекрытия деревьев, под-

ходящих среди оставленных от вырубки, не было, надо было выбирать и валить новые. Братья брали лежащие по всей старой вырубке, стволы и тащили их в одно место, где старый Януке топором очень ловко рубил все ветки и сучки, а за тем снимал кору оголяя деревья. Очищенные от коры и веток стволы складывали у будущего схрона. К вечеру все уставшие, голодные, но довольные выполненной работой, с удовольствием мылись в тёплой реке. Миндас, освободившийся чуть раньше, готовил ужин. Он успел надрать полную корзину огромных раков и теперь варил их в котле с листьями жгучей крапивы. За ужином вспоминали своих женщин, которые остались на разорённом хуторе. «Надо бы сходить на пасеку к старой сторожке», где работал и следил за всем нанятый на работу двоюродный брат жены Стасиса Юрис «и поглядеть, что там и как дела?» сказал за едой отец: «Да мёда к чаю принести свежего» добавил он. «Вот завтра за темно подниму Миндаса и до завтрака что бы успел» «Я не успею так быстро, отец» выдал из себя младший. «Далековато и вправду, папа» поддержал брата Стасис. «Хорошо, тогда на обратном пути зайдёшь на хутор, поглядишь как там и что, возьмёшь моё большое долото и маленький топор с точильным камнем к нему. Всё это принесёшь, да женщинам нашим мёда не забудь принести» «Не забуду, я за Радкой сильно соскучился, ей то в первую очередь» Все вспомнили про младшую сестрёнку, а Стасис и про сына. «Для чего Вам, отец долото?» спросил Костас. «Буду Вас всех между делом учить делать деревянные трубы. А канализацию по чём думаете отводить с землянки? Или на улицу будете бегать, когда вас враги станут искать по всему лесу». Сыны снова удивились уму своего отца, кто бы мог из них в то время думать об этом, а он знал жизнь, и не было в ней для него ни каких мелочей.

Утром, только начало сереть, Януке растолкал спящего у огня младшего сына. «Вставай Миндас, пора идти на пасеку». Паренёк встал, сладко потянулся и пошёл к реке умываться. Было видно, что он завидует спящим братьям, но спорить не стал. Взяв на дорогу протянутый отцом кусок хлеба, политый подсолнечным маслом с солью, он поспешил, жуя на ходу завтрак, по чуть заметной лесной дорожке в направлении старых болот. Там, между двух болот и бурелома ещё его дед нашёл большую поляну. Дед с отцом поставили там небольшую сторожку с печью и лежанками и на всё лето вывозили туда свою пасеку на разнотравье. С мёдом были всегда, даже в самый засушливый год. Охранять брали родственника – Юриса, здоровенного парня с соседнего большого хутора, двоюродного брата жены Стасиса. Юрис был с категории тех людей, которых надо постоянно хвалить. Он с детства считался ущербным. Парень не говорил, но слышал всё. Свою ущербность он сильно переживал. Из-за этого не ходил в школу, на него не глядели девочки, мало общались сверстники ребята. Его открыл старый Януке совершенно неожиданно для всех. Януке и сам был сильным мужиком и чувствовал себе подобных. Силёнкой Юрис обладал не дюжей. Таскал мешки с мукой по крутому спуску в телегу беря не по одному, как все, а по два, на каждое плечо. Здорового хряка валил на спину одним движением, когда их с отцом резчиком, звали соседи заколоть живность перед праздником. Ещё одно преимущество было у парня—он был от природы честен и верил только тому, кого любил и уважал. Януке приласкал несколько раз парня, похвалил, заступился от злых языков, и парень в него поверил. Каждому слову Януке он глядел в рот. И вот уже несколько лет Юрис батрачил на семью Звайниса. Все сыновья уважали его и хорошо к нему относились, он отвечал им тем же. Дорогу на пасеку через болото знали только члены семьи и Юрис. На пасеке он не только следил за ульями, но и косил траву, ловил на силки куропадок, собирал и сушил грибы, чтобы помочь своей огромной семье. Всё заработанное он по-прежнему отдавал своей матери.

От места постройки схрона до пасеки через лес ходу было километров с 8—10ть. Миндас шёл спокойным шагом глядя себе под ноги, чтобы не прицепиться об валежник, которого было очень много в старом лесу. Дойдя до болот остановился и нарвал морошки, кое где попадалась голубика. Ягода в этом году уродила как никогда. Подойдя к краю болота, парень выломал ствол осинки и обломав его ветки изготовил себе шест. Найдя начало тропы ступил в чёрно—жёлтую жижу. Нога провалилась по ступню. Миндас понял, что проход хорош и

воды не добавилось, а наоборот стало мельче. Он пошёл по только ему заметной тропе сквозь болото осторожно ступая и пробуя шестом перед собой. Пасеку они завозили с другой стороны, там есть тропа по шире, по которой свободно идет лошадь с телегой. Болото выдыхало со своего горла сероводород и бурлило выходом метана. То там, то здесь пробивались сквозь жижу пузыри, пугая идущего парня, будто сам Леший вёл с ним свой колдовской разговор. На не большом островке Миндаус отдышался и пошёл дальше. Переход занял больше часа. Выйдя с болота, парень свернул в право и не спеша пошёл по тропинке, ведущей к сторожке. Подойдя, он заметил Юриса, который косил траву у самого бурелома. «Эй, Юрис!» позвал немого парень. Тот повернулся мгновенно, воткнул косу в землю держакон и поспешил на встречу молодому хозяину, предварительно сняв фуражку. «Здорово тебе Юрис!» поздоровался Миндаус: «Как дела? Как пасека? Мёд, то есть?». На каждый вопрос немой только громко и радостно мычал и утвердительно кивал своей, заросшей льняными волосами, головой. Радость у него была не поддельной. Он веселился встрече, как маленький ребенок новой игрушке, при этом сминая в огромных ручищах свою старенькую серую, форменную фуражку, когда-то давно подаренную ему польским поручиком.

Миндаус прошёл в домик. Везде царил порядок и чистота. Полы тщательно вымыты, на столе надбитая вазочка с полевыми цветами, миска с вареным бураком и кувшин с козьим молоком. Ещё при подходе к домику молодой хозяин заметил пасущуюся чёрно—белую козу и двух козлят. В холщовой сумке сухари, глиняная миска с ложкой, вложенной в неё, была полна свежего душистого мёда. «Я на завтрак успел» проговорил парень, глядя на Юриса: «Угощать будешь?» Немой ещё больше забегал вокруг гостя. Миндаус передал ему команду от отца, а сам взял сухарь и макая его в мёд, стал запивать молоком из кувшина. Юрис собирал передачу около часа. Мёд положил в глиняный таз прямо в сотах и накрыл его чистой белой тряпицей. Отдохнувший от перехода Миндаус взял посуду и отправился домой на хутор за инструментом и отнести гостинец матери и сестре с племяшом и невесткой. Назад он шёл по другой дороге, по которой они с родителем завозили сюда свою пасеку. Вода в болоте и здесь было по щиколотку, идти было не очень трудно, хотя миска и мешала ходьбе. Этот участок болотной тропы парень прошёл достаточно быстро и теперь шагал по тоненькой тропинке между старых деревьев мечтая о скорой встрече с семьёй, о том, как обрадуется сладкому подарку маленькая Рада и племяш Янис, уже чувствовал приятный поцелуй маленькой принцессы на своей щеке, как неожиданно услышал громкий окрик: «Стой на месте. Ещё шаг и стреляю.» Сухо щёлкнул затвор винтовки. Парень стал. «Кто это у нас бродит по лесу?» услышал Миндаус русскую речь и практически ничего не поняв в вопросе. Из-за пушистой, раскидистой сосны вышел уже знакомый русский участковый в форменной одежде и с карабином на перевес. Из кустарника появились ещё два парня с посёлка Лаукува с наганами в руках и красными повязками дружинников. «Аааа сынок кулака с хутора, по-моему, Миндас» проговорил один из парней: «И что ты несёшь?» он без церемонно приподнял тряпицу и заглянул в таз. «Ага, мёд, где взял?». Умный Миндаус сразу сообразил, что с этими людьми спорить не стоит: «Да вот пошёл разорил улик на дереве диких пчёл. Вы же всё у нас забрали с хутора. Вот на одних грибах и сидим. Я пошёл было собирать, а нашёл гнездо, аккуратно его окурил сухой листвой и собрал мёд». «Мёд мы у тебя так же национализируем, всё что есть в этом лесу принадлежит трудовому народу, а ты сын кулака» «Так что же нам кушать не надо?» «Вы своё от жировали, теперь наша власть пришла, а Вас всё равно всех уничтожить надо» рассказал тот же парень с наганом в руке. «Давай сюда таз». Миндаус сам не зная, как с силой ударил тазом с мёдом грабителя по голове. Медовые соты разлетелись в разные стороны и попали на форму участковому. Николай Прокопенко, участковый—уполномоченный немного опешил, но, когда пришёл в себя кинулся на парня с кулаками. Били долго, со знанием своего дела. Один из дружинников бывший батрак, которого с его ленью к работе никто не хотел брать к себе в артели, двадцатилетний Витас Голюбис, бил с ожесточением и удовольствием. Даже участковый Про-

копенко заметив это, крикнул: «По—легче, ведь убить то можешь» «Собаке, собачье» ответил изверг. Они погрузили избитое тело юноши в пролётку и повезли в участок, который находился в посёлке Кельме. По дороге в посёлок встретились идущие в новое правление образовавшегося колхоза, молодые девушки. Они—то и принесли на хутор дурную новость.

Участок находился в доме бывшего хозяина лесопилки. Его самого и всю его семью вывезли за саботажные действия в Шауляй, а потом судили и этапом отправили в Сибирь. На крыше его большого и нового дома прибили красный флаг, а перед входом висела написанная каким—то комсомольцем табличка «МИЛИЦИЯ». В большом дворе стояла пролётка, запряжённая парой конфискованных коней. Ещё три лошади под сёдлами стояли в конюшне. Из нового амбара сделали камеру, прибавив на окно толстую решётку, которая до этого стояла на одном из окон разграбленной церквушки. Мощные двери амбара закрывались на деревянный засов и амбарный замок. Сюда и бросили бесчувственное тело младшего Звайниса.

Прошёл день, старый Януке стал волноваться о не пришедшем младшем сыне. Волновались и братья. Разные мысли лезли в голову, ведь дорога шла через топь, всё могло случиться. Рано утром не начиная работы, отец послал Стасиса и Костаса на поиски брата. Молодые люди первым делом пошли на пасеку. Юрис жестами и мычанием подтвердил, что парень приходил вчера, взял всё что надо и ушёл в направлении хутора, показывая при этом руками куда он ушёл. Придя на хутор они и узнали страшную новость. Стасис взял патронташ и старую, ещё дедовскую берданку, с которой они ходили на зайца и вернулись с новостью к отцу. «Что же», сказал взволнованный Януке: «не думал я на старости лет воевать, но видно пора пришла. Своё дитя я сам никогда пальцем не трогал, но и чужим не позволю. Убью гадов краснопёрых». Сыновья поддержали отца. «Вечером пойдём побьём эту нечисть и запустим им красного петуха».

Николай Прокопенко лейтенант НКВД прибыл в августе 1940года в Шауляй вместе с отрядом милиции, командированного с Ленинграда для наведения порядка и установления Советской власти в Литве. Смена власти в республике, как и по всей Прибалтике, прошла практически бескровно. Введённых войск хватило для того, чтобы не допустить большого кровопролития. Да и народ встречал новую власть с какой—то надеждой на лучшую жизнь. Волнения начались лишь после того, когда новая власть начала проводить уже отработанную на своём народе, политику коллективизации. Привыкший к частной собственности народ Прибалтийских стран не понял такого улучшения в жизни. То там, то тут стали появляться небольшие группы недовольных, которые брали в руки оружие и начинали бороться за своё добро, нажитое годами тяжёлого труда. Трудно было понять, что всё своё нужно было везти в общую кучу и отдать гольтыбе, которую ещё вчера нанимали, как батраков к себе на работу. В лесах появились отряды лесных братьев. Вот сюда и были направлены лучшие кадры НКВД. Отряд состоял из 300 человек офицеров, в основном оперативный состав. Были и участковые—уполномоченные, которых сразу распределили по посёлкам, дав им в помощь дружинников из числа молодёжи, сочувствовавшей новой власти, в основном местной бедноте. Они быстро поняли пришедшую внезапную силу с поддержкой милиции и новых законов, всячески пытались доказать новой власти свою верность.

Николаю Прокопенко достались комсомольцы с лесопилки. Они, зная всех зажиточных соседей, легко составляли списки на изъятие имущества и с удовольствием принимали в этом участие. Особенно зверствовал Витас Голюбис. Его отец, старый пьяница Радис Голюбис, с такой же, как и он сам женой, жили в старом, перекошенном, гнилом бараке с земляными полами. В семье 11ть душ детей и старые немощные родители жены в придачу. Работал Радис на лесопилке подсобным рабочим. Даже специальности себе не приобрёл за всю жизнь. Все дети пошли в него. Учиться не стали, с младенчества занимались воровством, а девчонки побирались вместе с бабкой у церкви и на базарной площади. Все рано стали прикладываться к водке, благо, что никто за это не ругал и не наказывал. Витас был старшим из братьев в семье.

Злой, вечно голодный и ужасно завистливый. Его на работу старались не приглашать, а если случалось и брали, то быстро прощались, так как работать он не любил.

С приходом в Литву Советской власти в селениях стали появляться комсомольские отряды помощников этой власти. Витас быстро оценил все преимущества и вступив в комсомол стал активным борцом за новую идею. На грязной давно не стиранной рубашке, он носил полученный в первых рядах, комсомольский значок и очень этим гордился. По просьбе русского милиционера, Витас подобрал несколько человек себе подобных и теперь был в первых рядах строителей коммунизма в свободной Литве.

Миндаус Звайнис лежал на куче соломы. Голова сильно болела, с разорванного уха сочилась кровь, губы и глаза опухли и посинели, левая рука не двигалась в плече была не выносимая боль, болел набитый ногами живот и спина, взялась грязной кожицей сбитая коленка. Назойливые мухи старались сесть именно на кровь. Парень лежал и думал, как отсюда выбраться. Ещё он сильно переживал за отца и мать, которые, не дождавшись его прихода будут волноваться. Как бы им сообщить? Но в больную голову ничего не приходило. Он с большим трудом поднялся на ноги. Голова закружилась и сильно затошнило. Миндаус подошёл к запертым воротам и попробовал их отворить. Да куда там. Оно здоровому мужику не под силу, а избитому парню и подавно. Единственное окно амбара было достаточно высоко, но и на нём стояла металлическая решётка. Парень стал вспоминать, где он уже видел такую. Ну конечно же, она стояла на окне старого храма, который разграбили на второй день прихода новой власти в поселение. Миндаусу стало ужасно страшно и жутко холодно. Он понимал, что помощи можно не дожидаться и его, как хозяина лесопилки с семьёй, могут выслать в далёкую и не известную российскую Сибирь. Темнело...

Витас остался за старшего. Прокопенко, уезжая в Шауляй, строго предупредил Витаса больше арестанта не трогать и даже не выводить его с закрытого амбара. Не успел лейтенант выехать с посёлка, как старший над комсомольцами забыл все приказы и достал со стола припасённую четверть водки, которую сегодня изъяли на очередном хуторе при плановом обыске. «Что выпьем по чарушке», предложил он собранию. Все выпили не споря. Потом выпили ещё и ещё, пока в бутылки не осталось на доньшке. «Потом допьём» резюмировал Витас и взяв ключи пошёл тяжёлым шагом замученного труженика с ключами к амбару. «Эй Витас!» позвал его один из компании: «Не бери грех на душу, не трогай больше парня, и так ему сильно досталось не из-за чего». Пьяный изверг шёл, не останавливаясь и не слыша окрика в свою сторону. Ключ долго не хотел проворачиваться в большом амбарном замке, на конец поддался усилию и громко щёлкнув, откинув одну дужку—открылся. Пленник приподнялся на локти и через опухшие щели глаз глядел на своего мучителя. «Что, сын кулака, барство Ваше закончилось. Тепереча мы власть. А с Вами разговор один – к стенке и всё тут». Он достал свой наган, повернул лихо барабан с патронами, взвёл курок и прицелился в испуганного парня. В это время в амбар ввалилась гурьба недавних собутыльников. «Стой, Витас, не стреляй, тебе же приказали его не трогать» завопил один из товарищей. Витас спрятал наган за пояс и с силой ударил ногой арестованного по и так разбитому лицу. Кровь фонтаном брызнула с разбитого носа. «Ты ему нос сломал» процедил комсомолец в кожаной куртке с таким же значком, как и у Витаса на лацкане. «Черт с ним, всё равно их всех вышлют ни сегодня так завтра» Вытирая соломой кровь с сапога ответил старший дружинник. Закрыв амбар, мучитель повёл свой отряд допивать остаток мечтательно рассуждая о будущей счастливой жизни в советской стране.

Старый Звайнис вёл своих сыновей в посёлок. Широко шагая по полевой дороге, он спешил не опоздать не дать изуверам издеваться над его младшим из сыновей. Мысли путались в его седой не покрытой голове. Он имел решимость жестоко мстить за их жестокость. В руках он нёс топор, которым ещё недавно так мастерски рубил сучки и снимал кожуру с деревьев, готовя их к укладке в стены. Теперь он готов был одним ударом убить обидчиков его семьи. Его решимость передавалась и молодым. Сыновья шли молча, каждый думал о своём, но все

думали об одном и том же. В руках у Стасиса была их домашняя берданка, заряженная крупной дробью, в карманах несколько патронов. Костас и Григонис несли ножи в рукавах своих курток. Уже стемнело, когда четверо мужчин подошли к дому с новой для них вывеской «МИЛИЦИЯ». В одном из окон горел свет. Керосиновая лампа горела на полную мощность освещая пятерых пьяных комсомольцев, спорящих между собой. На столе стояла почти пустая четверть с водкой, надкушенные куски чёрного хлеба и миска с остатками квашенной капусты. Старый Звайнис пинком ноги отворил входную дверь и четверо мужчин ворвались в горницу перед этим сорвав новую вывеску. «Все подняли руки вверх!» приказал Стасис направляя ружьё на сидящих. «Костас, Григонис обыщите их» приказал отец. Парни с ножами подошли к сидящим в полуобмороке комсомольцами забрали у них наганы с запасными патронами. Шок после нападения был настолько сильным, что новые властелины не додумались даже сопротивляться. «Где Миндаус?» спросил у всей компании отец. «В амбаре под замком, а ключи у Витаса» рассказал молоденький рябой на лицо парень в зелёной солдатской гимнастёрке. «Костас, приведи сюда его» скомандовал довольно жёстко Януке. Сын забрал протянутый ключ и вышел на улицу. «Вы напали на государственных служащих. За это Вы будете отвечать» первый, протрезвев, пришёл в себя Витас. Все нападавшие стояли молча. Миндаус на плече у брата еле вошёл в комнату. Увидев истерзанного сына, Януке спросил: «Кто?». Младший пальцем указал на Витаса. Выстрел прогремел неожиданно громко. У всех заложило уши. Витас глядел на дуло ствола и молча опускался на грязный пол, когда—то ухоженной горницы. На его груди зияла большая рваная рана. Его уже не было в этом мире. Прогремело ещё несколько выстрелов с наганов, и вся комсомольская организация перестала существовать в этом посёлке. «Лей керосин с лампы на пол и стол» дал команду Стасису старый Звайнис: «А ты, Костас, выводи брата и тащите его вместе с Григонисом в схрон». Януке запалил факел, собранный из скомканных газет и поднёс пламя к разлитому по полу керосину. Вспыхнуло всё как порох. Остаток факела он бросил в амбар на сухое сено. Страшное зарево было видно со всех сторон Кельмы.

Пепелище выглядело страшно. Сгорело всё даже забор. Единственное, что осталось по не известной причине это валявшаяся под ногами, затоптанная вывеска со странным и новым словом «МИЛИЦИЯ», как молчаливое напоминание о неизбежном. Приехавший к обеду участковый проводил опрос гражданского населения на предмет кто, что заметил. На подозрении было несколько человек, но в первую очередь Януке с сыновьями, хотя ни одна душа не видела и не слышала до пожара никакого шума.

В новом схроне и пахло всё по-новому. Свеж очищенные стволы сосен издавали приятный смолянистый аромат спиленного дерева, новые нары были застелены матрацами со свежескошенной травой, пало сыростью и известковой побелкой стен. Миндаус лежал на своём месте вымытый заботливыми руками старших братьев и думал о произошедшем. Всё назад им возврата уже не было. Крышка люка была открыта и с верха доносились голоса братьев и отца. Они о чём—то громко спорили. Парень прислушался. Спорил и просто настаивал на своём Костас. «Отец, Вы обязаны пойти в посёлок и устроить страшный скандал с участковым по поводу где Ваш сын Миндаус? Тем самым Вы отведёте от всех нас всяческие подозрения в убийстве и поджоге и посмотрите на реакцию милиционера. Для пущей убедительности с собой возьмите с хутора мать. На вопрос где все мы, скажете, что поехали в Вильно работать на фабрику». Стасис возражал, он говорил, что надо тихо отсидеться. Януке думал не долго. Ему понравился план умного Костаса: «Да, сын, ты прав, я собираюсь и уйду, а Вы ни на шаг отсюда и сидите тихо. Можете начинать ловить и солить на зиму рыбу и собирать, и сушить грибы. Миндаус услышал стук сапог отца по лестнице и через мгновение его крепкую руку у себя на голове. Отец погладил давно не стриженную голову сына, потрепал легонько его волосы и полез вверх. У Миндауса навернулись слёзы, он так же, как и отец, любил его. Слышно было, как Януке прощался с сыновьями и уходил на свой хутор, чтобы забрать жену и маленькую

Раду, до которой он так и не донёс свой сладкий подарок, идти к новой власти защищать свои права.

Лейтенант Прокопенко занял под свой новый участок не большой дом на краю посёлка, в котором до сего времени жил старик сапожник, переселив его в сапожную мастерскую в этом же дворе, пообещав не трогать его самого и его гешефт. Старик согласился и перетащив не хитрый свой скарб устроился в мастерской. Прокопенко прибывал злосчастную вывеску и сильно опешил, когда к нему вошла семья Звайнисов. Первым вошёл старый Януке, затем его жена с маленькой девочкой. Остановившись посреди не большой комнаты Януке громко и настойчиво спросил: «Где мой младший сын, которого ты забрал вчера утром с собой? Что с ним? За что и по какому праву ты его бил? В чём ты его обвиняешь? Отвечай». Он стоял как гранитная скала и глядел на своего обидчика. «Как жаль, что тебя вчера не было» подумал мужчина. Через минуту Прокопенко пришёл в себя. Он вдруг понял, что попал в большую неприятность по службе, но сказал совсем другое: «Ты чего это тут на меня кричишь, старик? Хочешь, чтобы и тебя, как и твоего сосунка увезли в Шауляй на допрос? Я не обязан вообще —то перед тобой отчитываться. Но раз пришёл скажу, твой сын арестован и сидит в одиночке. И пока не даст показаний его не выпустят». Януке и глазом не повёл на его враньё. Ещё больше заревели мать и дочь. «Я добьюсь справедливости, поеду жаловаться на тебя» сказал старик и вышел со своей семьёй, ещё раз убедившись в правильности решения прийти сюда самому.

Прокопенко попал в не понятную для себя историю. Он понимал, что вчерашний арестант сгорел до тла, вместе с устроившими пьянку комсомольцами, которых видели покупающими уже пьяными водку. Ещё несколько минут назад он был уверен, что это всё дело рук этой семьи, а теперь вся система просто рухнула и он может понести наказание за эти смерти. Надо было срочно что—то делать. Что бы не обострять и до того острую обстановку для самого себя офицер, оседлавши своего вороного, отправился на хутор к Януке решать вопрос. На хутор он приехал к обеду. Януке подстрелил в лесу пару серых косых и теперь сдирал с них шкуры, чтобы жена приготовила, для оставшихся на хуторе, жаркое. Шкурки уже были натянуты на кресты, когда к воротам подъехал всадник. «Эй хозяин!» послышался зов милиционера: «Ворота открой». Януке открыл одну створку больших дубовых ворот и стал в их промежутке закрывая собою проход. «Чего надо?» грубо спросил он приезжего. «Давай поговорим по душам» ответил участковый спешиваясь. «Не о чем мне с тобой говорить. Я завтра собираюсь ехать в Шауляй жаловаться на твоё самоуправство. Там и поговорим». «Не спеши, старик, мы и тут всё решим. Я отдам всё твоё добро и не буду больше трогать твою семью, но младший твой останется в городе, под арестом, и ты никуда не поедешь» Наступила тишина. Януке боялся перегнуть палку и выдать себя, поэтому вроде соглашаясь спросил: «Что и сынов можно с Вильно вернуть на хутор?» «Да, можешь» сразу же ответил офицер, понимая по-своему, что смог возвратом хозяйства успокоить старика и отсрочить его дознание о смерти сына. Волки были сыты и овцы вроде бы целы. «Хорошо, только держи своё слово участковый. Завтра приеду с женой и невесткой забирать своё хозяйство с вашего колхоза» «Всё, по рукам» и участковый протянул ему ладонь для рукопожатия. Но Януке руки не подал, а лишь усмехнулся и повернувшись вошёл во двор закрыв за собой тяжёлые ворота. «Ну и ладно, так значит так» подумал про себя милиционер, садясь в седло и пришпоривая вороного.

Миндаус встал с матраца. Голова немного кружилась и чуть подташнивало, но лежать в яме самому не было просто мочи, и он вылез. Братья были заняты работой, обтёсывали стволы спиленных деревьев на перекрытие нового схрана, собирали на сушку мох, чтобы проложить его между накатами и только потом можно будет засыпать жилое помещение глиной и землёй. Ещё не была установлена печь, не выкопана сливная отхожая яма, не доделано хозяйственное помещение, где должны храниться продукты. Братья работали молча, каждый знал своё дело. Миндаус взял ведёрко, удочку и пошёл на берег, чтобы наловить рыбы на уху. Клевало слабо. В основном бралась мелочь. За час с небольшим он наловил с десятков окуней, немного круп-

ной плотвички и три хороших сазана. На похлёбку должно было хватить. Головная боль у текущей воды практически прошла, болело только избитое тело. Миндаус встал, повернулся и заметил идущего к ним отца. «Здорово, сынки мои!» по приветствовал собравшихся вокруг него детей Януке. «Новости у меня хорошие. Ты, сынок был прав в своих расчётах» повернувшись к Костасу сказал отец. «Участковый сразу же сдался и сказал, что вернёт завтра нам всё хозяйство и Вы все можете вернуться домой, но я не должен искать в Шауляе арестованного им Миндауса». Все дружно засмеялись. «Про пожар думают, что комсомольцы перепились и сами себя подожгли. Выгорело там всё до пепла, только вывеска и осталась. Он её уже на новое здание прибить успел, идиот.» Братья разгорячились ещё больше. Им по вкусу прихвастать их первая победа над властью. Пять наганов теперь лежало в схроне, в любой момент этот трофей может быть использован по назначению. «Единственное, что плохо, Миндауса нельзя пока показывать. Он сидит в тюрьме в Шауляе» закончил отец свой рассказ. «Да, дела, это пока ещё тепло, а завтра осень, зима, где же ему быть?» спросил отца Костас. «Потом и решим, а пока он поживёт здесь, когда думаете закончить крышу у схрона и все внутренние работы?» «Дня за два думаю, что управимся полностью, ну может три» ответил отцу Стасис. «Добро, заканчиваем схрон и идём забирать своё добро у коммуны, пока они его до конца там не растащили».

Юшка во всю кипела на не большом костре, за которым следил раненый младший брат. Януке достал с сидора чёрный свежий хлеб, принесённый им с хутора, нарезал длинными кусками и позвал сыновей ужинать. «Я так думаю, что участкового надо так же уничтожить, но местные граждане должны видеть его труп, чтобы боялись помогать Советам и работать в колхозе. А вместе с участковым и председателя колхоза в расход пустить заодно» рассказал свои мысли Януке уплетавшим уху сыновьям, наработавшимся за день на стройке. Все, как по команде положили ложки и глядели на своего отца. Януке спокойно отправил в свой рот ложку с юшкой и продолжал: «Если мы этого не сделаем, рано или поздно они дознаются, что Миндаус дома и поймут, что это мы побиили комсомольцев. Тогда нам будет туго. Поверьте, мне, я чувствую это.» Он доел свою уху, поднялся с травы и пошёл к реке, чтобы помыть миску. «Папа, оставьте я сам помою» заволновался Миндаус. Он собрал всю посуду и пошёл к реке её вымыть, а Януке с детьми стали обсуждать новый план нападения на выбранные жертвы. Миндас, Миндаус, Миндаугас его называли все по-разному, а его любимая сестричка Радочка называла просто Миндасиком. Он не обижался на склонённые имена, его это даже забавляло. Когда он был меньше, то спрашивал у мамы: «Так как же меня правильно называли при крещении в соборе?» Мама смеялась и отвечала: «Любимым» и ласково трепала его кудрявые льняные волосы своей нежной рукой. Миндаус вымыл всю посуду и ложки, сложил всё в чистый котелок и пошёл к сидящим на поляне братьям с отцом. «Что придумали?» тихо спросил он. «Ты этот раз ещё не пойдёшь с нами, Миндаугас» сказал отец, как отрезал. «Ты ещё сильно болен для такой работы, сынок». Младший спорить не стал, да и не умел он спорить. Слово отца всегда было последним, а значит законом. Отец ушёл в ночь приказав всем заниматься работой и ждать его.

Утром, с первыми петухами, Януке с Гердой, невесткой и двумя детьми уже были на ногах. Забрать и привести стадо коров и быков, не большой, но табун лошадей, овец, свиней и птицу дело было не из лёгких. Сыновей показывать ещё нельзя, а забирать всё хозяйство нужно сразу, чтобы не передумал участковый. Януке послал Герду в посёлок, чтобы привела с десяток бывших батраков—родичей, а сам сложил в мешок несколько длинных верёвок и пустых мешков из-под зерна вместе с невесткой и детьми пошёл в направлении колхозного хозяйства, куда сгоняли всё отобранное у зажиточных крестьян и свозили их имущество. Хозяйство находилось на краю посёлка в заброшенном рыбном цеху огороженное новым забором с длинных не обтёсанных жердей. Януке глядел на не доенных, не кормленных коров и сердце обливалось слезами. Своих бурёнок он признал сразу, особенно Золотку, которая два года подряд приносила по два телёнка сразу, а молока давала по три ведра. Подошла с работниками и Герда,

увидела свою красавицу грязную, с воспалёнными от боли глазами, плохо доенную и сразу всё поняла. Заплавав, она сказала мужу, что теперь её только под нож, у неё мастит. Не лучше было состояние и всего остального изъятого совсем недавно на хуторе хозяйства. Одного быка не было вообще. Его уже успели сменить в другой колхоз. Дети выбирали своих гусей из общего стада птицы. Они кричали их имена, только им известные, ими же придуманные и умные птицы выходили к ним на детский зов. Старый гусь, любимец Рады, вышел и положил свою длинную шею на плечи девочки, как будто прося её немедленно забрать его с этого балагана. Рада плакала, глядя на всё происходящее, плакали и Герда с невесткой. Маленький Янис нашёл и вынес своего любимца белого ягнёнка.

Владис Карбонис – председатель колхоза «Новая Литва» на отрез отказался отдавать Януке его инвентарь. Трактор, косилка с молотилкой оставались в собственности у бывшего эксплуатируемого крестьянства, то есть у членов нового образования – колхоза. Подошедший участковый только развёл руками перед Януке: «Прости, но разговор был только за животных и птицу. Так что забирай пока отдадут и уходи, чтобы не видели тебя остальные.» Свою пролётку и телегу всё же Януке забрал. Погрузив птицу в мешки и на телегу, свиней и ягнят в пролётку, связав всё стадо верёвками и привязав конец её к телеге вся процессия медленно пошла в направлении хутора. Встречные прохожие снимали перед колонной шапки и долго смотрели потом в след.

Приведя всё хозяйство домой, Герда поняла, что ещё одна корова пойдет под нож по той же причине. Увели быка производителя. Не хватало пары свиней и несколько ягнят. Гусей и курей уже не стали и проверять. Родичи приступили к чистке всей живности от колхозной грязи. Мыли не жалея воды, драли щётками и мочалками. Герда долго пыталась реанимировать вымя своей любимицы, но было тщетно, молока больше не было. В большом сердце Януке кипела слепая злоба на тех, кто всю свою жизнь ничего путного не сделал, лишь пил и завидовал людям, умеющим всё, а потом от своей жадности и не умения, получив власть в такие руки, гробили всё нажитое не посильным крестьянским трудом. Председатель нового образования, пришлый человек, не смыслящий ничего в сельском хозяйстве, ходил рыбаком в не большой рыбацкой артели. С приходом Советской власти оказался в нужное время в нужном месте, его и назначили председателем, а он не отказался, пошёл руководить. Вот и на руководил. Януке уже вынес свой приговор. Он уже твёрдо знал, кто будет следующим в его списке.

Рано утром Януке, взяв с собой свежесдобитого женой чёрного хлеба, отправился на болота, прихватив с собой весь необходимый инструмент для окончания строительства схрана. Надо было выдолбить деревянную трубу из целого дерева, чтобы сделать вытяжку с печи, без которой существование схрана не имеет смысла. Он шёл и размышлял о вчерашнем дне, о том, какую кару придумать для ненавистных коммунистов и активистов, приведших его и так не очень богатую страну к полному хаосу. Он не разбирался в большой политике, но по отношению этих людей к таким хозяевам, как он сам, понимал, что что—то здесь не так, не любили они людей, умеющих самостоятельно вести хозяйство, не нужно это было им. Он шёл по осеннему лесу. Последнее тепло радовало. Уже очень скоро начнутся проливные дожди, а надо бы еще подкосить свежей травы своим питомцам, теперь это всё придётся делать вручную, ибо тракторец, с таким трудом приобретённый с продажи мёда, забрал колхоз вместе с косилкой. Но работы он не боялся. Знал, что, забив двух коров сможет рассчитаться с батраками за покос травы на зиму. Так не заметно он подошёл к болоту. Януке решил зайти к Юрису и зять с собой мёда к вечернему чаепитию с сыновьями. Найдя, оставленный раньше шест, он осторожно тронулся по только ему знакомой тропе в гати. С лева и права топь. Как-то еще молодым он со своим отцом пробовали узнать глубину топи. Привязав к длинной верёвке чугунный брусок бросили его в топь. 30ти метровой верёвки не хватило, и вытащить назад её уже не смогли. Болото жило своей болотной жизнью. Дышало и с силой отрывало метаном. Запах протухшего яйца стоял устойчиво и даже дыша через мокрую тряпицу всё равно угадывался. То тут,

то там выходили пузыри, поднимая со дна жёлто—коричневую грязь. Тропа была узкая, но нога становилась в неё полностью, твёрдо и не сильно скользила. Если не спешить, то можно было пройти без труда. Януке давно научил этому проходу своих сыновей и батрака Юриса, которому доверял. Ни одна из его женщин этого пути не знали и никогда не были на большой поляне по ту сторону от гати. Он вышел с болота и не спеша, отмыв сапоги от болотной грязи, пошёл к охотничьему домику. Юрис косил траву у самого болота. Трава была высокая и сочная. Завидев хозяина пасеки, парень бросил косу и быстрым шагом пошёл на встречу, смешно размахивая своими сильными руками и что-то бормоча. «Здорово, Юрис! Как дела? Что наша пасека? Не заскучал ещё здесь один? Может женить тебя?» улыбаясь спрашивал у немого Янука. Юрис, как котёнок тёрся возле хозяина, что—то показывая и сильно мыча. «Ладно, ладно, вижу, что ты работаешь очень хорошо. Молодец. Сейчас возьми ведро и наложи в него сот я возьму с собой. А ты можешь вечером наложить в два ведра сот и отнесёшь одно ведро к нам на хутор отдашь Герде, а второе себе домой на гостинец и можешь переночевать дома у мамки. Завтра утром чтобы был здесь. Понял?» Немой утвердительно закачал своей не стриженной головой. Глаза его при одном упоминании матери, радостно блеснули. Он побежал выполнять указание хозяина. Через час Януке с полным ведёрком сот уже шёл по болоту назад на поляну у заброшенного лесоповала, где его ждали сыновья.

Януке курил мало и только трубку, и только табак хорошего качества. Трубки были его хобби. Он их коллекционировал. Ему их дарили в основном его младшие братья, приезжая пару раз в год забрать мёд с хутора. В хороший год качали до тонны меда за сезон. Януке радовался каждому подарку, как маленький ребёнок, но после вечерних посиделок за чаркой домашней медовки с братьями и сынами, набивал постоянно одну и ту же трубку, которую подарила ему его Герда на рождение их первенца. Все это знали, а сама Герда от умиления пускала всегда слезу в платочек. Она любила своего мужа.

Сыновья радостно встретили своего отца и слушали его рассказ о вчерашнем дне. Прежде всего Януке поинтересовался здоровьем Миндауса. Потом рассказал детям всё до мелочей, как забирали, что случилось и что делали. Миндаус, как будто предчувствовал приход отца, наловил в Вянте свежих, жирных сазанов и уже запёк их в глине и сейчас все с удовольствием завтракали этой рыбой со свежим чёрным, домашним хлебом. Навар свежего щецца с мёдом завершил трапезу. Затем приступили к главной работе – перекрытию схрана и его полной маскировкой. Толстую осину распустили пополам и принесённым отцом долотом стали выдалбливать внутри. Затем два длинных куса полутруб снова соединили вместе, туго связали под корой стальной проволокой и получилось пустотелое дерево. Оно и стало главной вытяжной трубой от печи в схране. Его под наклоном положили на растущее рядом дерево, а конец просунули между перекрытием схрана. В него вставили металлическую трубу, идущую от печи в схране и стали класть накаты на крышу. Каждый из трёх накатов перекладывали толстым слоем высушенного болотного мха и глиной. Закончив класть перекааты, аккуратно засыпали всё землёй и сверху уложили наст травы. Люк—вход замаскировали под куст волчьей ягоды. Человек, не знающий о том, что на поляне есть жилой схран не найдёт и не увидит даже примет. Испытали печь. Тяга была хорошей, дым с трубы не был виден даже в близости. Переночевав в новом помещении Януке остался доволен. Необходимо было теперь занести сюда керосиновую лампу с запасом керосина, соль и спички и по-тихому сносить тёплые вещи и спальные принадлежности. Первый схран был готов.

После сытного ужина с медовым чаепитием Януке достал трубку и стал забивать её табаком, доставая его с нового кисета. Трубка была то же новая. Парни поняли, что будет серьёзный разговор. «Отец, а почему Вы взяли новую трубку, а не свою любимую?» спросил у Януке Стасис. «Потому, что любимая трубка должна храниться дома, а эту я специально принёс сюда, тут теперь её место в нашем схране.» тихо произнёс отец, раскуривая чуть сыроватый от вечернего туманца табак. С реки тянуло сыростью и холодком. Костас подкинул в тлеющий костёр

сухих поленьев и огонь разгорелся, трещи ими с новой силой. Все безотрывно глядели на пламя костра, каждый думал о своём. Тепло быстро распространилось и лица парней немного покраснели от этого чуда. «Дети мои» обратился отец к сыновьям: «Новый порядок не будет нам с Вами полезным. Нас или вышлют, как некоторых в Сибирь, или просто убьют. Пришло то время, когда надо принимать решение, как жить дальше? Или мы с Вами станем в один ряд с нашими бывшими батраками, которые очень быстро поймут и полюбят новую власть, или будем бороться против неё. Наша первая задача состоит в том, чтобы запугать ещё не понимающих плебеев. Для этого надо убить и выставить на показ их обезображенные тела в первую очередь участкового милиционера и его прихвостня председателя колхоза.» от сказанных слов он сам немного поморщился, но продолжал: «В противном случае нашему Миндаусу нельзя будет никогда выходить из лесу, ведь милиционер считает его сгоревшим по вине погибших активистов. А так он сразу всё поймёт и нам не жить больше здесь или не жить вовсе. Так уж лучше мы их, чем они нас» закончил он своё выступление. Все сидели молча. Первым не выдержал Костас: «Отец, да мы вообще—то это вчера обсуждали уже, пока Вас не было здесь и пришли к выводу, что Вы правы и говорите, что нам делать, мы всё исполним». «Первое и самое главное, никому не рассказывать даже по большому секрету о нашей организации. Второе, дисциплина должна быть железной. Третье – стоять друг за дружку горой, чего бы не случилось, выручать, не бросать в беде. Агитировать народ против власти без лишнего шума, не привлекая к себе внимания. На людях вести себя с властью вежливо и учтиво. Не брать без надобности оружия в руки. Заботится о своих ближних, прежде всего о наших малых и женщинах. Юриса пока не посвящать пусть ждёт своего часа на болотах. Пасеку на зимовку перевозить не будем. Дать ему материал пусть соорудит там какой-то сарай для зимнего хранения ульев.» Сыновья молча слушали своего отца и лишь кивали в знак согласия своими головами. «А участкового и председателя колхоза Владиса Карбониса порешим завтра. Сегодня отдыхаем, с утра ловим рыбу и идём все вместе на хутор мать заждалась и Радочка соскучилась. Дорогой всё решим не спеша.» При напоминании о сестре у всех на лицах появилась улыбка. Костас распалил в схроне буржуйку и стало заметно уютней. У каждого было своё место в просторном подземном помещении. Уснули все быстро, день был тяжёлым.

Герда, Радочка, Янек и молодая невестка Ядвига встречали своих мужчин во дворе большой стиркой. Развесив по всему двору стиранное бельё, женщины занимались уборкой в доме, а дети отгоняли от белья домашнюю живность. Вошедших мужчин не сразу и заметили. Первая увидела отца и братьев маленькая принцесса. Сколько было радости при встрече. Костас в тихую принёс сестрёнке маленького зайчонка, в пойманного ещё на кануне. Он отдал серенький клубочек сестре и та, радостно крича, побежала показывать своего нового питомца Янеку. Поцелуи получили от неё все, особенно досталось отцу и любимому братику Миндасику. Семья вновь вся была в сборе. Рыба была кстати.

Баня, что лучше неё бывает в этой жизни. Отец распорядился топить баню. Костас и Григонис стали готовить парную—наносили свежей воды полную бочку, разожгли дрова в каменке, вымыли предбанник, начистили лавки острыми ножами, принесли веники с чердака. Лежанки были липовые, а стены дубовые. Баня быстро набрала необходимую температуру. Первыми пошли мыться женщины взяв с собой бурачный морс и соду для мытья волос. С бани были слышны вопли Рады, когда Герда легонько шлёпала её веником по спине. За тем пришла очередь мужчин. Они взяли с собой резкого кваса. Банились половину дня. За это время Герда с Ядвигой приготовили обед. Чистые, распарившиеся, красными лицами мужчины сели за стол. «А что, мать, не выпить ли нам сегодня по маленькой медовки?» спросил улыбающийся Януке жену, хлопая от удовольствия в свои огромные ладони. «И где там моя любимая трубка?» Жена подала литровую кружку медового настоя, а маленькая принцесса принесла отцу кисет с табаком и его любимую трубку, мамин подарок. Ядвига не на минуту не отходила от мужа, что—то ему рассказывая на ухо при этом хитро улыбаясь. Семья села за стол. Отец ловкими

движениями нарезал свежий белый хлеб большими ломтями и подал каждому сидящему. В этой семье хлеб могли ценить и если кушали, то собирали всё до крошки, не по—тому, что его не было, а по тому, что так научили их ценить хлеб старики родители. Герда раздавала рассыпную перловую кашу с жаренным сазаном по тарелкам. Януке поднялся и разлил всем взрослым по кружкам медовку: «Родные мои, нас не было некоторое время и все мы друг за другом очень соскучились. Это говорит о том, что в нашем доме, в моей семье мир и порядок. Спасибо всем за это.» и выпил первым. Все последовали его примеру. Ели шумно, смеялись, обсуждали, наливали ещё и ещё и никто при этом не пьянел. После обеда отец раскурил свою трубку. Женщины ушли с горницы убрав со стола и мужчины остались одни. «Так, дети мои, сегодня вечером, как стемнеет пойдём в посёлок. Мы теперь уже просто обязаны избавиться от пришлых. Костас, наганы ты забрал?» «Да, отец, вычистил каждый и зарядил, как Вы и сказали.» Обращались дети к отцу и к матери только на «ВЫ». «Хорошо, раздашь перед выходом. Всё больше никому не пить, отдохните до темна, потом всех позову» Стасис тут же ретировался. «Побег до своей Ядвиги» съязвил Григонис. «Не язви, вот женю тебя тогда и узнаешь всё» отрезал отец. Все разошлись кто куда, до вечера было ещё время.

Поздний осенний вечер выдался тихим. На небе не облачка, звёздами засыпан огромный небосклон и самое главное цыганское солнце светило так, что было видно на большое расстояние всё в округе. Отец вёл своих сыновей на мокрое дело от большой безысходности, сам до конца, ещё не понимая и не зная, как и что будет. У каждого в кармане лежало боевое оружие, ладони сжимали холодную сталь и от этого становилось ещё тоскливей. Шли молча. Подойдя к дому сапожника и осмотревшись решили в первую очередь расправиться с участковым. Януке достал с кармана большой нож с изгибом лезвия. Этим ножом он разделявал туши свиней и овец. По трогал наточенное лезвие и тихо постучал в окно. В доме зажгли лампу, занавеска отодвинулась, и кто-то спросил: «Кто там?» «Это сторож с коровника, там пришли воры и выводят коров и коней. Что мне делать? Вот я и прибежал». Двери раскрылись и на пороге в одних кальсонах показался участковый. Этого было достаточно, чтобы нанести сильный удар в живот и вспороть его с низу до самого горла. Лейтенант Прокопенко умер, не поняв, что произошло. Януке вошёл в дом, забрал карабин и кобуру с наганом, сложил в сидор форменную одежду с сапогами и фуражкой, забрал новую керосиновую лампу и бидон керосина. Отдав всё сыновьям он со Стасисом подвесили за ноги бездыханное тело своего врага за балку ворот и разрезав горло ловким движением достал ножом в разрезе язык милиционера. Отряд отправился к дому председателя колхоза Владиса Карбониса. Он поселился в доме у выселенного и отправленного вместе с семьёй в Сибирь хозяина корчмы и товарища Януке – Валдиса Сельше. Группа подошла к дому, в сенях горел свет лампы, дверь была открытой. Сыновья переглянулись с отцом. Вдруг они услышали хлопок закрывавшейся двери в саду. Валдис шёл с нужника. Костас сильным ударом бревна по голове оглушил председателя, а то же ловкое движение отца ножом по горлу закончили дело без шума. Повесив его так же за ноги к балке ворот и выпустив язык, семья вошла в дом и облив всё принесенным керосином подожгли. Ушли так же тихо, как и пришли. Уже дойдя до околицы заметили огромные языки пламени над домом бывшего председателя не состоявшегося колхоза. Придя домой на хутор выпустили собак и крепко закрыли ворота, помылись, спрятали сидор с вещами и легли спокойно спать. Больше их семье ничего не угрожало.

Утром к ним на хутор прибежал один из бывших батраков и рассказал о том, что все колхозники растаскивают по домам всё имущество, которое колхоз собрал у них. Выгнав и запряг пролётку парой лошадей отец с сынами поехали забирать своё. Трактор и весь инвентарь к нему находился во дворе со скотом, откуда они уже забирали своё имущество. Стасис завёл тракторец и поехал своим ходом домой, а остальные стали забирать и грузить в телегу всё, что ещё не растащили другие. Ближе к обеду всё было кончено, скотный двор был пуст, даже ворота снял какой-то предприимчивый хозяин и теперь коровник зиял открытым входом.

Люди рассказывали о том, как убили председателя и милиционера. Версий о том, кто убил было много. Говорили, что финский отряд диверсантов работает в их районе, другие говорили, что из соседнего района обиженные властью приходили. Их обезображенные трупы так и висели на своих воротах, все боялись к ним подходить. Януке остановил коней и соскочив с телеги подозвал к себе сыновей. «Вот, что я думаю, дети мои. Сейчас мы с Вами вернёмся и снимем их тела с верёвок. Пусть люди видят, что мы вроде бы помогаем Советам, тем самым снимем с себя любые подозрения. Как Вы мыслите?» «Правильно, отец» тут же сказал Григонис: «Едем немедля и делаем дело до конца». Они развернули телегу и погнали лошадей к дому сапожника. Участковый почерневший по-прежнему висел на балке ворот. Рой мух облепил его тело, трупный запах усиливался. Обмотав лица мокрыми тряпками, найденными в доме отец с сыновьями срезали верёвку и оттащив за её конец труп под стену дома положили его на скамью. Костас принёс с хаты рядом и укрыл тело участкового. Соседская старуха крестилась и причитала, глядя на всё это. «Вот и первый свидетель» сказал Костас. Со вторым трупом было сложнее, огонь хоть и не доставал до него, но жара сделала своё дело. Председатель был полностью чёрный, но верёвка выдержала температуру, хотя и сотлела. Срезав труп, они укрыли его какой-то тряпкой, принесённой соседским мальчишкой и оставили на месте у ворот. Выполнив задуманное спокойно поехали к себе на хутор. А на следующий день ближе к вечеру в ворота громко постучали. Януке загнал собак и открыл большие ворота. Перед воротами стояла открытая легковая машина чёрного цвета в которой сидело четыре военных в фуражках малинового цвета, двое с трёхлинейками, один с автоматом (такого оружия хуторяне ещё не видели) и один офицер весь в ремнях с кобурой на боку и кожаным портфелем в руках. Водитель автомобиля сидел за рулём, был одет в гражданскую куртку и кожаную кепку с большими очками.

Януке снял свой головной убор, поклонился в пояс приезжим и пригласил войти во двор. Офицер распорядился автоматчику пройти с ним, а остальным ожидать у машины. Зайдя в дом, офицер по-хозяйски бесцеремонно сел за стол, раскрыл свой портфель и достав какие-то бумаги начал допрос. Януке рассказывал так, как знали все в посёлке, сказал фамилию и где живёт того человека, который принёс им эту новость. Офицер всё записывал и фиксировал. Спросив о том, присутствовал ли он при мародёрстве имущества колхоза, Януке прямо ответил, что, когда он туда приехал, уже практически всё разобрали и ему пришлось отбирать свои вещи у грабителей. Офицер попросил воды. «Может господину офицеру квасу или морсу предложить? Или чего по горячее?» угодливо спросил Януке. «Чтож можно и по горячее» согласился офицер: «Мне сообщили, что только Вы сняли и уложили убитых, не побоялись и не побрезговали. Так?» «Да, господин офицер, это так, все мы под Богом ходим и надо помогать один одному. Иначе нельзя.» Тем временем Герда принесла кувшин с медовухой, сало и огурцы. Офицер сам налил себе в глиняную кружку и выпил. Закусив кусочком сала налил второй раз и ещё выпил. Встав из-за стол, он попрощался, сказал хозяйке спасибо и выходя с дома добавил: «Вот если бы все были такие как ты, Януке, был бы порядок.» «Буду стараться и дальше помогать Вам, господин офицер» сказал хозяин. Машина громко заурчав уехала. «Да, отец, Вы как всегда были правы,» сказал Григонис закрывая створку ворот.

3.

К встрече Нового 1941 года готовились все вместе. Отцу и матери пообещали дать недельный отпуск во время зимних каникул в школе, и семья собиралась поехать в гости в поселок Родаково к матери мамы и её родному брату Трофиму. В депо, где трудился Трофим машинистом, был организован рабфак, где учили на машиниста паровоза и куда дядька Троша уже склонил поступать после семилетки подростшего Сашу. Отец Николай Петрович Шёпот не противился вкусу сына, не лез к нему с советами идти работать в шахту. Сын сам должен выбрать свой путь. Но поглядеть на этот рабфак, поговорить с руководством он хотел лично. Катя несколько лет на встречалась с мамой, Толика она ещё и не видела, да и Вову помнила лишь грудничком. Катя собирала гостинцы. Муж получил получку и тринадцатую зарплату это премия за ударный труд. Купили всем обновки и подарки матери и брату. Надо было решить вопрос где и с кем будет жить Саша, удобно ли им будет вместе. Саша заканчивал школу без троек, и его классный руководитель в разговоре с Николаем Петровичем говорила, что мальчику бы надо заканчивать десятилетку и поступать в институт, но время было сложное и советовать, что—то было трудно. Да и рассчитывать на то поступит он в институт или нет никто не хотел и не мог. Все жили одним днём. Саша сам хотел и просто бредил поступлением на учёбу машинистом. Ему нравилась чёрная форма с эмблемами молотка и гаечного ключа в петлицах машиниста, форменная фуражка и сам запах железной дороги, а также километры и километры чугунных рельс и деревянных шпал прямых дорог для его паровоза. Его не страшило то, что первое время он будет просто помощником, то есть кочегаром у топки парового котла и единственными инструментами его будет лопата и топор. Но он будет мчать по просторам СССР и давать длинные гудки встречным поездам, приветствуя таких же машинистов, как и он сам. Санька с этой мечтой ложился вечером и вставал утром, он жил ею.

На станции Орловка семья Шёпот в полном составе, с подарками и хорошим настроением сели в местный поезд Брянка—Родаково, состоящий из двух, ещё царской постройки плацкартных вагонов и паровоза Кукушки и поехали в долгожданные гости к бабушке Лене маме Кати и Трофима. Паровозик легко тянул свои два вагона, останавливаясь у каждого столба, подбирая колхозников, привозивших свои товары на многочисленные мелкие базарчики развивающегося Донбасса. Перед Рождеством православный люд варил холодцы и спрос на свинину и домашнюю птицу был хороший. Везли и овощи—капусту в кочанах и солёную, соленья огурцов и помидоров, свежие яблоки. Назад везли отрезы мануфактуры, нитки и различный ширпотреб, которого не бывает в деревнях. Снега выпало в этот год достаточно много, морозы так же не забывали и давали знать о себе. В купе, где сидела семья Шёпот, ввалился весёлый, чуть подвыпивший мужик с бородой и большим сидором одетый в огромный тулуп на распашку. Поставив мешок на пол, он достал жаренную курицу, поломал её руками на мелкие куски, оторвал половину буханки круглого хлеба и так же порвал её на куски. Всё это богатство он положил на мятую газету и водрузил на стол у окна. За тем достал один стакан и четверть зеленоватой жидкости с бумажной пробкой, открыл её и по купе разлетелся сильный запах бурячихи. «Что, мужик, давай по стаканчику врежем за праздник» обратился он к Николаю Петровичу с улыбкой: «А Вы, ребята наваливайтесь на курицу, берите не стесняйтесь, кушайте её своими зубками пожалуйста». Он стал брать по куску курицы и хлеба и раздавать младшим детям. Вову уговаривать не нужно было, а Тоца поглядел внимательно на маму и только потом взял свою порцию. «Меня зовут батюшка Алексей, мой приход в Родаково и пока матушка не видит хочу чуток пригубить с хорошими людьми» в купе сразу стало тепло и весело. Батюшка Алексей балагурил и не давал никому остановиться от смеха. Старший Шёпот выпил как всегда один раз, крякнул от крепости напитка и закусив кусочком хлеба старался поддержать интересного собеседника. Катя пить не стала, но детям разрешила взять понемногу

угощения. Саше батюшка понравился больше всех, Смеясь и жуя ногу от курицы он прямо спросил у него: «Скажите, батюшка Алексей, вот нас в школе учат, что Бога нет. А Вы как думаете?» Служитель церкви задумался на минуту и сказал: «Против Вашего учения я ничего не имею против. Если так надо, то пусть учат именно так. Сын мой, Бог у каждого человека в душе и сердце. Вот ты любишь своего отца и маму, это и есть твой Бог, потому, что они тебе никогда плохого не посоветуют, так и сам Всевышний не посоветует. Веруй в ближнего своего. Понял?». «А ещё один вопрос разрешите Вам, батюшка Алексей, задать?» «Не приставай к человеку, заноза» ласково сказала мама Саше. «Ничего, страшного, я отвечу, задавай отрок» почти пропел ответ весёлый священник. «Батюшка, а вот куда деваются души людские, после смерти тела?» «Умный вопрос ты мне поставил. Молодец. Душа человеческая вечная, она не умирает. После смерти тела её забирает Всевышний и в небе загорается звезда. Если человек жил правильно, работал, любил людей и люди его любили, то загорается яркая звезда, а если жил плохо, воровал или того хуже убивал, то в небе загорается тусклая звёздочка или вообще красный карлик. Так, что свою жизнь надо прожить с честью. Теперь всё понял?», «Да.» твёрдо ответил Саша: «Теперь почему—то я всё понял». Через два часа «Кукушка» остановилась у перрона станции Родаково. Попрощавшись с весёлым батюшкой, семья направилась в сторону посёлка на улицу Степную, где жила бабушка Лена и дядя Троша.

Большая дворняга на длинной цепи по кличке Валет встретила семью громким лаем. Бабушка загнала кабеля в будку подперев дверцу лопатой и открыв ворота стала целовать свою родню. «Ой, Сашенька, мой ты красавчик, как же ты вырос за то время пока мы не виделись, моё ты солнышко» причитала бабушка Лена обнимая и целуя своего внука: «А это, что за два чуда ко мне приехали?» обнимала она младших Вову и Толика. «Проходи, зятёк мой дорогой» целуя Николая в щеку уже шептала тёща: «Доченька, родненькая, как я за тобой соскучилась» прижала голову Кати к своей груди её мама. Через минуту умный пёс, отпущенный на свободу шалуном Володей, уже благодарно вилял своим куцым хвостом в знак благодарности за косточки от курей, принесённые заботливым Сашей с поезда. «А где же Трофим?» поинтересовался Николай у тёщи. «Троша в рейсе, будет к вечеру и потом аж три дня выходных, полгода собирал для этой встречи. Он сегодня паровозы с Ворошиловграда на постой гоняет.» «Что значит на постой?» спросил бабушку Саша. «А Бог его знает, постой да постой, как он мне кажется, так и я Вам кажу». Санька уже висел на воротах и смотрел на проходящий по насыпи состав. Насыпь находилась в 100 метрах от улицы и доходила до самого ДЕПО. Паровоз весело толкал пустые платформы дымя трубой и выпуская клубы белого, как молоко, густого пара. Санька помахал машинисту рукой и тот, его заметив, помахал в ответ. «Мам, ты видела, видела, мне машинист помахал рукой с паровоза» радовался Саня. «Да, то наш сосед Семёнович на расставке сегодня работает, вечером познакомишься и с ним» ответила бабушка Лена радостному внуку. «Пошли уж до хаты, холодно сегодня, а там русская печь горит.» позвала Сашу бабушка.

Дом был не большой в старо—русском стиле. Русская печь в центре дома, а вокруг места для жизни. У сплошной стены стояло две железные кровати, у окон лавки и длинный стол, в углу под самым потолком, несколько икон и горящая лампадка. Перед печью лавка—лежанка и самое главное довольно приличная лежанка на самой печи. На деревянных полах самотканые дорожки, над иконками вышитый украинский рушник, под потолком над столом красный матерчатый абажур с одной не большой лампой, освещающий только стол и что на нём. Вечером в доме царит полумрак, лишь в печи трещат берёзовые поленья. Рыжий кот Мухомор развалился у печи на своей тряпице и не громко мурчал от удовольствия получая тепло. Бабушка с мамой лепили вареники с картошкой и кислой капустой, обжаренной на сковороде и теперь издаваемой вкусный запах. Отец дремал после знакомства с батюшкой, все ждали хозяина дома Трофима. Младшие дети сидели на печи и игрались в глиняные коники, которыми снабдила их бабушка Лена.

Трофим пришёл около восьми вечера, не пришёл, а ввалился в дом и сразу же стало шумно. Высокий, с лохматыми, кучерявыми, чёрными как уголь волосами, пахнущий железной дорогой молодой мужчина чуть не вышел лицом. Оно было побито перенесённой в молодости оспой. Этого он стеснялся и поэтому не был женат. С ним в дом вошёл его друг сосед Семёнович, мужчина без возраста, но с заразительно красивой улыбкой. «Так, где тут мои родичи?» не говорил, а прикрикивал он, широко улыбаясь всем ртом. Расцеловав сестру, пожав руку зятю и Саньке, помял малых племяшей и подарил им по леденцу—петушку в хрустящей бумаге он представил всем своего товарища. Бабушка уже накрывала на стол. Катя достала две бутылки казёночки с сургучом и поставила всё на стол. Сели все дружно. Миска с варениками двух видов не уменьшалась, хотя ели все от пуза. Бабушка, сварив одни ставила в печь вторые, выкладывала все в миску и поливала поджаренным пахучим постным маслом подсолнечника. Трофим пил, как и Николай мало, а Семёнович чуть набрался и теперь занимался маленькими рассадив их на лавки и строя из себя учителя по арифметике. Все дружно смеялись ответам школяров. Засиделись до поздна. В 22 часа станция отключила свет в посёлок, и бабушка зажгла керосиновую лампу. Семёнович ушёл домой и все стали стелиться спать. Большая семья была вместе. Саше с меньшими братьями, постелили на лежанке печи. С досок был сколочен настил, на нём лежали два постовых тулупа, на которые бабушка Лена сверху застелила простыню, под головой свёрнутый ватник так же в простыне, укрываться на протопленной печи не нужно. Саша мигом согрелся, обнял двух сорванцов—братьев и спокойно уснул, как спит любой внук у любимой бабушки в гостях.

Утром бабушка укрыла мальчиков стёганным деревенским одеялом и стала чистить и разжигать печь, чтобы готовить завтрак. Саше уже не спалось. Во-первых, бабушка чистила кочергой поддувало в печи и шумела, а во-вторых они с дядей Трошей и отцом сегодня собирались идти в ДЕПО узнавать о поступлении его в ФЗО на учёбу. Какой уж тут сон. Саша лежал с открытыми глазами и мечтал. «Что, разбудила я тебя, внучек?» слышался шепот бабушки Лены. Саша повернулся на бок лицом к ней и ответил: «Что ты, бабушка, я мечтаю о том, что пойдём договариваться, чтобы меня взяли учиться в ФЗО на машиниста». Бабушка хитро хмыкнула и с улыбкой, глядя на послушные огненные волосы любимого внука сказала: «Да чего уж там договариваться, Трофим уже дано с директором договорился за тебя. Он его друг. Вот семилетку закончишь, заберёшь там документы и сюда жить переедешь, Трофим тебя сам заберёт и привезёт. Мы с ним каждый день об этом говорим. И нам не будет скучно и тебе хорошо. Вот такой тебе сказ. Спи ещё рано, все ещё спят». У Саши от её слов засосало под ложечкой. Он протянул руку к бабушке, она тихо подошла. Мальчик обнял её за плечи и поцеловал. Слёзы выступили на глазах старой женщины. Она смахнула их кончиком белой косынки на голове и отошла по своим делам. Саша практически был готов к самостоятельной жизни.

Дрова весело трещали в русской печи давая тепло всем вокруг себя. Стёкла не больших окон дома были раскрашены рисунками Деда Мороза. Младшие мальчики рассматривали их с не поддельным интересом, водя своими пальчиками по стеклу. Саша научил их отогревать участки паром со рта и мальцы безуспешно дули, стараясь сделать просвет в морозном пейзаже. Бабушка уже приготовила завтрак, все встали, привели дом и себя в порядок и готовились кушать. Куриный бульон с лапшой, пареная репа и соленья – грибы и огурцы уже стояли на столе. Трофим, как старший, порезал домашний хлеб и хлопнув в ладони спросил у Николая: «Ну что, зятюха, по 100 грамм за выходной?» Отец не стал отказывать брату жены, и бабушка подала им не допитую с вечера бутылку. За завтраком обсуждали сегодняшний день. Первое это конечно же поход в ДЕПО. Трофим рассказал, что станция Родаково служит не просто узловой станцией с ДЕПО, но и площадкой для стоянки новых паровозов, которые делает Ворошиловградский паровозостроительный завод, а также основной ремонтной базой вышедших из строя паровозов по каким-то причинам. Пригоняют новые паровозы, их консервируют и ставят в запасники, а потом по команде с Москвы отпускают куда надо. Так же

и с ремонтным составом. Отремонтировали, законсервировали, потом пригоняют следующий на ремонт, а в замены уже готовый выдают с ремонта. Та вот станция и живёт. Машинистов надо много, поэтому сами и готовят. Они работают помощниками, получают деньги и учатся сразу. «Сейчас стоит на ремонте настоящий бронепоезд. Вот пойдём я Вас проведу и покажу» широко улыбаясь своим побитым оспой лицом, сказал Трофим. Саша был на седьмом небе. «Мы понимаем всё, но ведь это немного накладно. Саша растёт, ему много надо и вешать его на Ваши плечи... Как это будет выглядеть?» спросила Катя брата. «Ну, во-первых, он будет получать какую-то заработную пату, а значит уже балластом не будет, а во—вторых он же нам родной племяш и внук и считаться между родными не красиво» закончил не приятный разговор Трофим, закуривая папирску. Санька был на седьмом небе от счастья, свершалась его мечта детства, он станет управлять паровозом, который тянет по дорогам страны большой и ценный груз, а может даже и пассажирский состав. Они шли в троём – дядя Трофим, его отец и в середине он Рыжий и счастливый Санька Шёпот 14ти лет от роду. Да 1941 год—самый счастливый год в его жизни. Мужчины шли по улице занесённой снегом. Протопанная дорожка стала узкой, и они выстроились в один ряд. Трофим здоровался с встречными людьми и практически всем объяснял, что это его племяш Саня, который скоро будет здесь жить и учиться. Санька загордился. Тем временем тройца подошла к огромному зданию Родаковского ДЕПО. Стоявший на посту охранник поприветствовал Трофима и строго оглядев пришедших, пропустил в помещение. Поднявшись на второй этаж в не большую конторку, Трофим подошёл к сидевшей за печатной машинкой девушке и спросил: «Натулька, Пётр Филиппович у себя?» Хотя и так было слышно, что руководитель был у себя и кого—то громко отчитывал за тормоза в работе. «Подожди, Троша» ответила, смущаясь девушка: «А кто это с тобой с такими красивыми волосами?», Саня зарделся. «Это мои родичи, зять Николай и мой племяш Саша. Я тебе говорил о их приезде, помнишь?» «Помню» ещё больше засмушалась Наташа. Из кабинета вышли два мужчины в технических чёрных халатах поверх костюмов и что—то обсуждая пошли вниз в ДЕПО. «Проходите пожалуйста» с широкой, красивой улыбкой пригласили их девушка и Саша рассмотрел на её щеках красивые маленькие ямочки. Мужчины вошли. «А... Трофим... Здорово, брат. А я вот тут ругаюсь с инженерами, не хотят в срок отремонтировать бронепоезд, хоть убей. Ну я им дам. Хотя может и я не прав, стальные листы так и не привезли снабженцы. Ладно, садитесь. Это и есть твой рыжий племяш?» «Да, мой, вот пришли поговорить об учёбе в нашем ФЗО, парень просто бредит паровозами» «Ну а ты объяснил парню, что он сразу же становится рабочим нашего ДЕПО, а совместно с этим учится в ФЗО. Ты рассказал, что он в первую очередь просто работяга—ученик хотя и на заработной плате и довольно хорошей для юноши, а только потом ученик машиниста.» «Да, Пётр Филиппович, мы всё это обсудили. Вот и отец его Николай Петрович пришёл, чтобы подписать необходимые документы.» «Хорошо, ты в этом году заканчиваешь семилетку?» теперь уже директор спросил у самого Саши. «Да, этой весной, товарищ директор». Пётр Филиппович улыбнулся и позвонил кому—то по телефону, приглашая войти. Через минуту в кабинет вошла маленькая женщина в таком же чёрном техническом халате с карандашом в кармане на груди. «Проходите пожалуйста Раиса Ивановна. Вот этого мальчика надо устроить к Вам в ФЗО и к нам в ДЕПО в качестве ученика машиниста пожалуйста.» он повернулся к Саше и продолжал: «Это директор по обучению мой заместитель Раиса Ивановна Хотенко. Прошу любить и жаловать». «Хорошо, Пётр Филиппович, я всё сделаю и прослежу. Ну, огонёк, будем знакомиться?». «Шёпот Александр Николаевич» представился Саша, а все почему—то дружно рассмеялись. «Всё, мы тебе не будем больше мешать работать, приходите сегодня к нам в гости с женой часам к 19ти» тихо сказал, прощаясь и пожимая руку Петру Трофим. «Хорошо, скажи тёте Лени, что хочу пельменей её куриных, а всё остальное с меня» улыбнулся на прощанье директор ДЕПО. Они вышли в приёмную и ещё какое-то время разговаривали с Раисой Ивановной о документах, которые необходимо было за время до поступления, собрать. Потом Трофим подошёл к столу

секретаря и нагнувшись, что-то ей сказал на ухо. Она опять покраснела, но головой мотнула утвердительно. «Вот... а теперь пошли смотреть наш бронепоезд под названием «Комсомолец Донбасса», он стоит в дальнем углу ДЕПО.» проговорил Трофим и подталкивая своих спутников повёл по огромному помещению.

ДЕПО – это город мастеров всех мастей, собранных под одной овальной крышей. Паровозы стояли разных модификаций и разного возраста. Вот ещё царский Б(ЕРЬ) ВН9773, которому рабочие пытались отреставрировать паровой котёл, потёкший от времени. Рядом с ним на соседней площадке стоял ЭМ –720—07, а следом за ним его собрат ЭР—761—96 с увеличенной топкой. Вот разобранный старик ЭН1 с которого пытаются подобрать запасные части на ещё рабочий Э—1112. Возле бронепоезда меняют колёсные пары красавцу Эу—684—52. На профилактике новые паровозы 9П—18430 и СО—17—2956 (Серго Орджоникидзе). А вот ни одного новенького ИСа на сегодняшний день не было. Саша шагал по ДЕПО и рассказывал отцу и дяде про каждый паровоз, как будто он не первый раз в этом месте, а вырос здесь. Парень был на своей волне, это был его звёздный час. Осмотрев бронепоезд мужчины пошли назад. На улице за зданием ДЕПО начинался склад—стоянка новых паровозов. Обнесённая колючей проволокой, охраняемая вооружёнными людьми с собаками стоянка проявляла ещё больший интерес к себе. Новенькие паровозы стояли в рядах соединённые между собой по пять штук. Саня смотрел на это царство паровозов восхищенными глазами. Это был его мир, реальный, а не мечты перед сном. «Сколько же их здесь?» спросил он не то дядю, не то самого себя. «Много, больше 100 штук. Ждут своего часа. Это стратегический запас нашей страны, племяш.»

На обратном пути мужчины зашли в поселковый магазин. Тут продавали сразу всё. С одной стороны, висела одежда –платья, костюмы, пальто, а с другой стояла очередь за продуктами. Трофим занял очередь и немного постояв купил куль белой муки, сметану в банке и две сельди—иваси с красными глазами. «Сейчас мама с дочкой займутся тестом, а мы с тобой зарубим курицу, вернее ты, Коля зарубишь, я не могу на пельмени. У нас сегодня гости, будет директор Петя с супругой и одна красивая девушка, но это пока секрет.» Придя домой Трофим рассказал про приход гостей, и бабушка Лена с мамой пошли готовить тесто, а отец с Трошей пошли рубить и обдирать курицу. День прошёл не заметно. Пельмени ровными рядами лежали на столе, вода закипала в печи. Трофим то и дело выбегал на улицу смотреть, загнал бедного «Валета» в будку раньше срока. Первыми пришли Пётр Филиппович с женой. Здесь, дома он уже не выглядел как директор. На нём было синее спортивное трико с полосками на штанах и рукавах куртки и обычный ватник правда с пришитым воротником. Жена его, высокая, с такой же косой, как у Сашиной мамы, миловидная молодая женщина с голубыми глазами приятно улыбалась. «Валя» как –то совсем просто представилась она родителям Саши и пожав им руки прошла в комнату. Пётр уже шумел: «Тётя Лена, я же просил только пельмени, всё остальное моё. А Вы?» Бабушка смеялась и принимала с его рук сумку с принесёнными продуктами и тарой. Троша снова убежал. Через какое—то время в натопленный дом вошла девушка, за ней толкался сам Трофим. «Мама, мама!» позвал он: «Вот познакомьтесь, это моя Наташа». «Ой, шалопута и есть шалопута» запричитала бабушка Лена: «Я не одета, что же ты не предупредил, что невестушку приведёшь знакомить» она металась по дому, снимая с себя старую кофту и одевая новую, подаренную вчера дочкой Катей. «Проходи, милая, не стесняйся, будь как дома. Я мама, можешь так и звать сразу, что бы не привыкать потом» Пётр улыбался больше всех: «Гляди, даже я не заметил, что ты ухаживаешь за моим секретарём. Проходи пожалуйста Наташа, сейчас познакомимся». Все сели за стол. Бабушка Лена подала первую порцию пельменей с куриным мясом. Выпили и напряжение по –не многу спало. Трофим рассказывал забавные анекдоты, все смеялись и шутили в ответ. Пельмени удались на славу. Бабушка рассказывала Вале рецепт их приготовления, потом пили чай с шоколадным тортом, который выдавали директорам на спеце паёк к празднику. Неожиданно Саша спросил: «Дядя Троша,

а война будет?» На какое—то время повисла тишина. «Не знаю я, племяш, всё может быть. В газетах пишут, что у нас с Гитлером договор о дружбе. Поэтому вроде не должно быть. Ну а если попрёт, то мы ему быстро навешаем, мы с тобой точно будем возить нашу армию вперёд в наступление. Думаю, что не будет больше войны. Хватит с нас и Зимней Финской войнушки. Сколько там нашего брата поубивало и помёрзло не счесть. Сталин наш не допустит.» Но каждый думал теперь о своём. Потом ещё поговорили о будущей свадьбе Наташи и Трофима. Решили, что Наташе исполнится в августе 19ть лет и на медовый спас сыграют они свадьбу. Наташа была сиротой. На этом вечер закончился, так как станция отключила свет. Выпивший и весёлый Трофим пошёл провожать гостей, а бабушка Лена ворча по-прежнему, стала стелить всем постели. Мама мыла посуду и защищала брата как могла. «Ох, и в правду уже бы женился Троша наш по—быстрее. Может всё и наладится.» говорила бабушка только ей одной известные секреты. «Лишь бы не было войны.» Третий день прошёл без происшествий, и семья Шёпотов утром четвёртого дня по прощавшись с любимой бабушкой отправилась домой тем же поездом. Трофим провожал до станции, а потом ещё долго махал огромной рукавицей уходящему вдаль составу.

Как же долго тянулось время и не приходила весна. Саша продолжал хорошо учиться и помогать маме с младшими братьями. Родители работали, дети подрастали. Вот и первая капель святой праздник «Стричення», когда Весна красна первый раз встречается с Зимой. По поверью, если петушок попьёт талой водицы с капежа сосулук, значит Весна будет ранней. Санька выпустил гулять курей во двор и ждал, когда же их петушок Петя станет пить водичку от капежа. А он паразит всё не пил и не пил. Саня обиделся и швырнул в него снежком. Но Весна всё равно своё взяла. До 1го апреля ещё лежал снег, а потом побежали ручьи, солнышко пригревало, за терриконом у озера, где пацаны купали шахтных лошадок, появились подснежники.

В апреле пришло письмо от сестры Нины. Горе пришло неожиданно в дом дружной семьи Шёпотов. При нападении банды бандеровцев на воинскую часть в Закарпатье погиб муж Нины, а сама сестра тяжело ранена у неё была ампутирована правая нога до колена. Теперь она находилась в военном госпитале и после выписки просила забрать её домой. Война, своим зловонным дыханием, постоянно напоминала о том, что может начаться со дня на день. Нина писала, что в госпитале много раненых пограничников и солдат НКВД, которые уже успели столкнуться с диверсантами с дружественной нам Германии, что на той стороне границы большое скопление войск и техники. Отец сжёг письмо, чтобы никто не прочёл больше и стал собираться в дорогу. Выписали Нину после майских праздников. Исхудавшую, на костылях, с проседью на пышных чёрных волосах привёз отец свою дочь домой. Спасибо Богу, что они не успели завести за этот год детей. Саше добавилось забот по уходу за сестрой, но и Нина помогала мальчику готовиться к выпускным экзаменам в школе. Зная и уважая Николая Петровича, директор рудника предложил устроить его дочь на работу в техническую библиотеку, тем более, что она имела редкое техническое образование и могла дать технический совет или провести консультацию. Нина пошла на работу с удовольствием, чтобы немного забыться, да и материально это была большая помощь семье. Семиклассники сдавали свои экзамены в конце мая, немного раньше выпускников десятых классов. Саша успешно сдал все экзамены, собрал необходимые медицинские справки, Нина подарила ему синюю папку на завязочках для документов, получил своё свидетельство об окончании семи классов и теперь ожидал приезда дяди Трофима. Он, как и обещал зимой, приехал сразу в субботу 14го июня. Отец с мамой приготовились к встрече брата и приготовили всё необходимое для жизни Саши вне дома. Сидор с вещами и сумка с продуктами на первое время ждали своего часа. Вечером на семейном ужине, много говорили о войне, но все были уверены в том, что мирный договор не будет нарушен, что Гитлер бомбит сейчас Англию. Саша, хоть и слушал разговоры взрослых, был уже далеко от дома. Утром, позавтракав, Трофим с Санькой собрав его не хитрые пожитки и

обнявшись на прощание с родными, отправились пешком на станцию Орловская, чтобы успеть на обеденный поезд до Ворошиловграда, который шёл через Родаково. Катя долго махала мокрым от слёз платочком, удаляющимся сыну и брату. «Что-то мне говорит, что я их больше не увижу» рыдая сказала она мужу. «Что ты, глупая, через год приедет или мы туда поедем, благо, что не так далеко, всего—то 45км». Первые летние дни были ещё не на столько тёплыми, солнце хоть и пригревало, но свежий Донбасский степной ветерок не давал теплу разгуляться. Придя на станцию Трофим купил один билет, его проезд был в поездах бесплатным. Кукушка, дымя своей трубой, как металлургический комбинат, поставила несколько вагонов на перрон, и помощник машиниста стал заливать в бак воду с длинноносого журавля подключенного к насосу. Кукушка смешно выпускал с под себя клубы белого пара. Семафор открылся и паровозик потянул свой груз дальше по железным рельсам перестукиваясь на каждом стыке тук—тук, тук—тук.

Трофим, немного выпивший с отцом Саши, задремал в углу их купе, и парень внимательно смотрел в грязное окно, никогда не мытое с наружи, на пробегающие бескрайние поля и посадки. Вагоны шли полупустые. Он мечтал и его мечты сбывались. Санька был рад. Начинаясь его самостоятельная взрослая жизнь. Бабушка Лена выглядывала своих мужчин стоя у ворот. В печи на улице под железным навесом уже поспел свежий борщ. Начищенные и вымытые чеснок и лук лежали в маленькой миске ожидая, когда их съедят. Валет весело заскулил и ещё сильнее завилял своим хвостом. «Что, учуял хозяина, бродяга?» обратилась к нему бабушка: «Значит наши рядом». Через какое—то время она уже целовала своего внука. «С приездом, мой внучек, теперь и у нас веселее будет. Обед уже готов, мойтесь и за стол там на улице в виноградной беседке». Саша ел свежий борщ с чесноком, натёртым на шкуринку серого хлеба, макая лук в солянку и прикусывая. Ох и вкусный же бабушка варила борщ! «Ох и худенький ты у меня, как только ты работать будешь? Ведь целый то день помощник только и делает, что кидает лопатой уголь в топку паровоза. Ну ничего, я вот приготовила для тебя подарок, мой внучек. Мы с Трошей купили козу Дуню, а молока она даёт почти 3 литра, жирного и вкусного. Я уже и масла сбила и сметаны немного сделала, и так молоком тебя отпою от твоего шахтёрского питания» она принесла и поставила перед Сашей кувшин с молоком. Молоко чуть припахивало полынью, но налив после борща стакан белой жидкости и выпив его, сразу почувствовал прилив сил. Да, вот это жизнь, когда о тебе такая забота.

Утром они вместе с Трофимом пошли на работу в ДЕПО. Дядя подобрал Саше старые свои вещи для сменки, определил его в учебно—рабочую бригаду и познакомил с их бригадиром старым машинистом Тарасом Поликарповичем Григорьевым, который уже не водил паровозы, а передавал свой богатый опыт молодым работникам своего ДЕПО. Рабфак – это не училище с партами, это практическая и теоретическая подготовка специалистов непосредственно на рабочих местах. Утром бригадир распределял молодых людей по рабочим местам. Каждый день менял эти места. Вот, например, сегодня Саша целый день работал с ремонтниками, меняли на СО колёсные пары, завтра он стоял вторым помощником у своего дяди Трофима и учился у его помощника правилам работы в кабине машиниста, на следующий день разгружали уголь на складе и загружали в паровозы по нормам. Работа давалась молодому пареньку с большим трудом. Приходя домой он умывался приготовленной бабушкой тёплой водой и падал отдыхать. Трофим смеялся над первыми мозолями после лопаты, над тем, как утром Саня с закрытыми глазами садился завтракать. Парень всё терпел молча и первую неделю выдержал с честью. В субботу 21го июня бригадир по окончании смены, подозвал к себе Сашу, который сегодня работал на уборке территории ДЕПО и похвалил. «Я не услышал за эту неделю от тебя ни единого слова вообще. Ты молча приходил, получал наряд и так же молча всё исполнял. В тебе есть что—то наше, рабочее настоящее. Передай бабушке Лене от меня привет» и он не сильно похлопал Сашу по шее. Трофим шёл с племянником домой и улыбался всем встречным. Он не ошибся, с парня выйдет человек.

Первый трудовой выходной 22го июня Саша спал на своей лавке застеленной матрацем. Бабушка не будила его, пусть выспится. Трофим с утра уехал со своей Наташей на рынок в Ворошиловград покупать себе костюм и туфли и шуметь в доме было некому. Назойливы мухи гудели именно около уха или садились на лицо. Саша проснулся. Понезжившись в постели, он поднялся и стал делать зарядку. После первой недели труда у него болело кажется всё и сразу, но он был горд вчерашней похвалой своего первого бригадира. В дом вошла бабушка. «О, поднялся, я тебе сейчас молока парного принесу, а потом нажарю яичницу с салом и с огурчиком малосольным» она щебетала над внуком как молодая горлица над своим первым потомством птенцов. Плотно позавтракав и попив молока от вредной Дуняши, не подпуская к себе даже погладить никого кроме бабушки, он пошёл пройтись по не знакомому ещё ему посёлку. Их улица Степная смотрела прямо на одну из тупиковых ветвей станции. Сюда загоняли маневренные паровозы составы для отстоя или перегона в другое место. Саша шёл по улице и здоровался со всеми, кого встречал на пути. Кто—то отвечал, кто нет, а кто—то с интересом знакомился с новым молодым пареньком с такими красивыми, пышными, огненно—рыжими волосами. На вопрос: «Ты чей будешь?» он гордо отвечал: «Трофима Богданова племянник.» Солнце сияло на чистом небе, тень показывала, что оно находится в самом зените, ни ветерка, ни тучки, только небо, чистое, как слеза новорожденного ребёнка и огромное, жёлтое светило Великого Донбасса. Начиналась жара. Жаворонки, ещё вчера весело щебетавшие где—то в высоте, сейчас были заняты добычей питания для своих прожорливых семейств, растущих не по дням, а по часам. Тополя уже скинули свой пух и теперь стояли, тихо шевеля зелёными листочками, создавая уют и прохладу под своими кронами. Кто—то стучал по наковальне выстукивая косу перед покосом бушевавшей, зелёной, сочной травы степного разнотравья. Ничего не предвещало беды. По дороге Саша дошёл до поселкового магазина «Продукты» у репродуктора, висевшего на нём собралось много народа. Играла странная музыка и вдруг голос Левитана объявил, что сейчас будет сделано важное правительственное заявление. Выступал Молотов. Он объявил, что без объявления войны на нас напала Германия, началась ВОЙНА. Саня бежал домой, чтобы рассказать бабушке о важном сообщении. Где—то там в далёкой Белоруссии и на Западной Украине уже шли ожесточённые бои, гибли люди под бомбами немецких захватчиков, бомбили наши областные центры и даже Севастополь. Саша был сильно напуган этим сообщением, ведь он только начал учиться по любимой специальности, а теперь всё рушится, как картонный домик.

Бабушка Лена работала в огороде, пропальывала хорошо взошедший картофель перед его цветением. «Бабушка, ВОЙНА! Немец напал сегодня на нашу страну Молотов выступал по радио» выпалил разгорячённый после бега, Саша. Бабушка как стояла, так и села в картофельный рядок, схватившись руками за голову: «О, Боже милостивый, зачем же ты послал нам такое горе? Зачем посылаешь нам испытания? За что ты на нас так усердствуешь? Чем же мы так провинились перед тобой?» запричитала она, вытирая кончиком своего платка ставшие мокрыми от слёз, глаза. Оставив в огороде тяпку, она, переодевшись молча куда—то ушла. После обеда вернулся Трофим с Наташей. Бабушка появилась только к вечеру, вся озабоченная принялась вместо ужина готовить какой—то уз вар из многих, только ей одной знакомых трав. Закончив работу, она налила два не полных стакана темно—зелёной, пахнущей весенним лугом, жидкости и заставила своих мужчин выпить это. Напиток был горько—полынного вкуса. Саня выпил его с закрытым носом одним залпом. Удостоверившись, что мужики всё выпили, она перекрестившись произнесла шепотом странную молитву перед иконой с горевшей под ней лампадкой. «Ложитесь молча спать, сегодня ужинать Вы не будете». Спорить с ней никто и не думал. Мужчины молча помылись и легли на свои спальные места. Саня уснул мгновенно, только прикоснулся головой к подушке. Ночью он проснулся по нужде, повернулся на своей лавке чтобы встать, но увидев стоящую перед иконой на коленях бабушку, молившуюся в полголоса и постоянно крестившуюся, встать не стал, а стал ждать пока она закончит.

Постепенно он снова уснул, а проснувшись бабушки уже не было у иконы. Не было её с утра и в доме, когда мужчины позавтракав хлебом с маслом и выпив по несколько свежих яиц ушли на работу в ДЕПО.

Работа шла как будто и не было никакой агрессии. Все станки работали, всё крутилось и вертелось, разбирался очередной старичок для полного ремонта, в другом месте чистили от накипи котёл паровоза, в третьем, меняли колёсную пару ещё не старой Кукушке –маневровому паровозику с хим. завода Ворошиловска, на покрасочной камере красили готовый к работе СО. О войне никто не говорил, хотя у всех это известие было на языке. В обеденный перерыв в первые объявили сводку с фронта. Объявили о полной мобилизации нескольких округов. Донбасс под мобилизацию не попадал. Вечером, после окончания смены. Директор собрал общее собрание всего коллектива, но на него собрался казался весь посёлок Родаково. На площади около входа в ДЕПО установили трибуну с которой выступали рабочие, которые выражали мнения всего трудового коллектива, брали на себя обязательства повышенного труда. Выступал военком поселения, который объявил, что не надо пока толпиться у военкомата, кого надо вызовут сами, а все остальные обязаны своим трудом помогать Родине. Саша слушал все выступления очень внимательно и когда директор стал говорить, что будут организованы несколько бригад машинистов, которые будут гонять резервные паровозы со стоянки в глубь страны, подошёл к дяде и глядя ему в глаза прямо сказал: «Ты, как я понимаю, будешь первым в этом списке?» «Да, наверное,» ответил Трофим. «Так вот, дядя мой Троша, я с тобой в одной кабине иначе сбегу на фронт,» Сказано это было так жестко, что Трофим понял, что племян не шутит. После собрания Трофим зашёл к директору. Саня ждал у входа в конторку. Наташа дважды выходила, приглашая Саню зайти посидеть, но парень отказывался. Прошло больше часа пока вышел Трофим. Саша понял, что он в команде по широкой улыбке на лице дядьки. Домой шли весело, обсуждая кого взять помощником, ведь Саня всего лишь ученик и второй помощник.

Дома, бабушка вела себя так, как будто не было той бессонной ночи, которую она простояла в молитвах на коленях. Она как обычно тихо ворчала, заставляя мужиков вымыть руки, затем насыпая горячее, ворчала, чтобы ели с хлебом и не чавкали громко. Всё было как обычно. Всё молоко на этой неделе шло, по замыслу бабушки, на сливочное масло, поэтому запивали чаем с пустыми коржиками, посыпанными сахаром. Саша заметил в кладовке мешок с солью и короб с 1000шт восковых свечей, которых ещё вчера не было, а на полке в большом коробке спички, много спичек. Значит умная бабушка с утра покупала в прок соль, спички и свечи, уже сейчас догадываясь, что электричества не станет. «Мама, мы с Саней с завтрашнего дня начинаем тягать паровозы в столицу Мордовии город Саранск, а это 1200км пути в одну сторону. По нормальному двое суток хода через Сталино, Дебальцево, Сталинград, Саратов, Пенза и Саранск. А назад берём там эшелон и тянем через Тамбов, Воронеж на Харьков, потом берём металлолом и тянем его в Ворошиловск т.е. домой в Родаково и снова в Саранск пока весь резерв не вывезем с нашей стоянки». Бабушка заволновалась: «Трошенька, да выдержит ли такую работу паренёк, ведь мал то ещё совсем Санечка то наш» «Бабушка, я сам попросил дядю взять меня вторым помощником. Я уже не маленький тем более война. Я поеду.» Трофим молча ел горячий борщ вкусно плямкая губами и кажется совсем не слышал спора своих родных. «Да, мама и ещё. Приготовь на утро нам продукты на 3дня. Навари картохи, лука, помидор—огурец, яиц, соль и хлеба пару булок. Всё спасибо я спать. И ты не задерживайся, работы ох как много лопатой четыре дня махать без остановки.» Трофим уже лежал в своей кровати, когда Саня спросил: «Дядя, а что директор сразу согласился меня с тобой пустить?» Троша повернулся на бок, помолчал и потом сказал: «Я с ним из—за тебя поругался. Сказал, что уйду на фронт и не удержишь если не поставишь племянша ко мне в пару.» Он уже сопел, а возбуждённый парень всё крутился. Завтра его первый рейс. Утром, 25го июня, его легко толкнула в плечо бабушка: «Вставай, внучек, пора» Саня встал сразу, умылся в мойдодыре свежей водой,

залитой заботливой бабушкой, позавтракал вместе с Трофимом яичницей с салом, запили свежим молоком, взяли припасы и поцеловав бабушку отправились в ДЕПО. Их СО17 с шестью такими же СО в сцепке уже стоял подготовленный и заправленный ночной бригадой учеников ФЗО вместе с мастером. Трофим пошёл получать документы, а Саня знакомился с его старшим товарищем, помощником машиниста Василием Чугунком, который же второй год работал помощником в паре с Трофимом. Он два года как закончил ФЗО и в этом году его должны были призвать в армию. Это был коренастый парень с сильными руками и широк в плечах. Русые волосы были аккуратно пострижены лишь только чуб торчал с под видавшей виды будёновки, которая была на него надета. Он уже надел рабочую форму помощника, которая включала в себя рукавицы и большой брезентовый фартук—передник с завязками на спине. «Вон твоё новое я принёс, надевай» сказал он Сане. На ногах у него были сапоги, как и на Саше и войлочные штаны. «Пошли покажу место работы, ты, как я понял, первый раз идёшь в рейс?» «Да в первый» засмутился паренёк. «Ну ничего, все, когда—то начинали». Он ловко поднялся по лестнице в кабину и открыл внутреннюю дверь. «Это тендер, запас воды для работы котла, а сверху под наклоном засыпан уголь, для топки котла. При движении паровоза вода в тендере греется за счёт пара и греет уголь, поэтому даже в мороз он не замерзает, а за счёт наклона днища у тендера уголь сам сползает к окну приёма и не надо его подгрести.» Он достал с ящика совковую лопату и показал, как работает помощник в не большой кабине машиниста, забрасывая уголь в топку паровоза. Для этого надо было набрать лопатой уголь, ногой надавить на клавишу открытия топки котла, кинуть уголь, убрать ногу, повернуться к тендеру и снова набрать уголь в лопату и так до тех пор, пока машинист не даст команду: «Хватит, норма пара». Тогда какое-то время перерыв и так всё время движения паровоза. Плюс на станциях доливать воду в тендер с журавля—заправщика и если надо, то досыпать уголь в тендер с конвейера на больших станциях. «Ничего, Шурка, поймёшь и научишься. К концу рейса профи станешь в этом отношении. Уж поверь мне». Разговор закончился с приходом Трофима. «Всё, Боже помоги. Трогай. Что там с семафором, Васька?» «Открыли, пары полные. Пошли.» Трофим медленно тронул паровоз. Колёса провернулись и СО с трудом потянул своих братьев в далёкое путешествие. Санька сразу стал на лопату. В начале не так быстро получалось, но Трофим его не подгонял, лишь давал советы, как удобней стоять и как правильно нажимать на педаль, что бы лопата успевала войти в топку не рассыпав уголь. Паровоз бежал до первой своей станции узловой в Дебальцево. Не полный час и паровоз остановился у семафора. Следующая остановка Сталино. «Ну, что, на первый раз даже хорошо, на твёрдую троечку отработал» сказал Трофим: «Теперь до Сталино отдохни, потом в паре по пол часа станете кидать, там до Сталинграда всего одна станция будет, чтобы воды залить. Уголь в Сталинграде нам насыпать.» Санька сел на выдвижную скамейку. Руки от непривычки болели в предплечьях. «Васька, следи за семафором, составов тьма стоит и всем надо, но у нас стратегический пропуск по всей линии». Семафор подняли и паровоз полетел по чугунной дороге высоко в небо выпуская серо—чёрный дым сгорания угля и клубы белого пара из-под колёс паровой машины. Саша внимательно следил за работой опытного Василия. Тот только посмеивался. Саня поднялся и стал просто копировать его действия. Трофим утвердительно мотнул головой и поднял вверх большой палец на руке. Саша поймал кураж. Перед Сталино он поменял Васю и сам уже кидал почти ровно. На большой станции заправили полный тендер водой. Стояли не долго, им открыли семафор и снова паровоз набирал скорость по дорогам Родины выполняя её распоряжение и доставляя нужные машины по месту необходимости. Паровоз набирал на отдельных участках скорость до 90 км. в час. Ветер шумел в ушах Саньки, и он тогда понял зачем Васе старая будёновка. Он уже давно её застегнул и ветер не трогал его уши своим свистом. Вася кидал уголь в своё время и улыбался. Во время отдыха Саша смотрел в открытое окно кабины на пролетающие мимо деревни. Соломенные крыши, дома с перекошенными стенами, кучами мусора вокруг, полями, заросшими сурепкой и диким маком, говорило о том,

что страна жила очень бедно. На полях работали трактора и комбайны убирая урожай этого года. Сменяя Василия, он просто настраивал себя на автоматические действия и практически не разговаривал, боясь сбиться с ритма. Да его и не трогали, понимали. Видно было и другое — Трофиму всё больше и больше нравился этот парень, его собственный племянш за упорство к работе и серьёзное отношение ко всему порученному. Он не ошибся в выборе напарника. До Сталинграда ехали всю ночь. Трофим давал поспать помощникам по два часа, но сам не задремал ни разу. В Сталинград въехали под утро. Сдав паровозы под охрану и отсоединив тягач Трофим подогнал его тендером под конвейер и поставил на засыпку углём и заливку водой. Слесаря простукивали буксы тормозов и заглядывали в каждую щель их СО17ть. После всех процедур, Трофим объявил четыре часа сна. Спали кто как мог и где. Вася положил две доски на свеженасыпанный уголь и не успев лечь сразу захрапел. Трофим спал сидя на своём вращающемся креслице, Саня выдвинул скамейку, уселся по—удобнее и положив голову на низ окна уснул. Солдаты, охранявшие состав с паровозами, их не тревожили. Через четыре часа начальник охраны поднялся на паровоз и разбудил спящих. Вася сразу стал готовить паровоз к отправлению подбрасывая уголь в топку котла и поднимая в нём пар, а Трофим ушёл за новыми документами с отметкой теперь в Саратове.

Волга! Сколько песен про неё пропето, сколько сказано, пересказано, а при виде этого чуда, этой по истине Русской красавицы хочется говорить о ней и говорить. Поезд шёл одно время параллельно реки. Огромные заливные луга, на которых пасутся стада скота и табуны лошадей, по речной глади скользят пароходы и катера, рыбацкие лодки и парусники. В отдельных местах трудно увидеть противоположный берег Великой Русской невесты. Как по железной дороге, так и по воде шло движение снабжения страны. Саня с интересом рассматривал огромные наливные танкеры с нефтью, сухогрузы с зерном, углём, рудовозы и лесовозы, пассажирские пароходы, всё смешалось на чётких фарватерах огромной русской реки—матушки. Перед Саратовом стали на каком—то переезде. Семафор был закрыт, город не принимал. Саня с Васей соскочили с паровоза и улеглись на мягкую, ещё не совсем выжженную палящим солнцем, траву—мураву. Где—то в небе пел жаворонок, в траве трещали кузнечики и шла своя огромная жизнь, не видимая поэтому мало знакомая и изученная. Вот муравей тащил соломинку в 10ть раз большую за него самого, вот спарилась пара белых бабочек, а с норки высунил свои лапки паук—тарангул, ожидая жертву. Всё жило по своим законам—законам земным и Божьим, сильные выживали, поедая слабых, а те плодились, чтобы сильным было что есть, и они сами не исчезли как вид. Открыли дорогу, и Трофим позвал пацанов гудком. Снова работа и только работа. К вечеру въехали в Саратов. На большой станции было не протолкнуться от составов. Эшелоны с солдатами, эшелоны с техникой и боеприпасами стояли из-за отсутствия паровозов, а тут сразу шесть штук в одном составе. Трофима загнали на дальнюю линию для отстоя правда перед этим залив воды и пополнили запасы угля. Отстой был не долгим, как только мастера проверили буксы и тормозные системы паровозам дали зелёный свет, они нужны сейчас были больше всего на свете воюющему с мировым агрессором социалистическому государству. Вася стал на место, а Саньке разрешили пару часов вздремнуть. Перед отправлением мужики чуть успели перекусить и выпить кипятка, за которым на станцию с дежурным чайником бегал Василий. Саня дремал, а Вася, бросая в топку уголь, рассказывал Трофиму о толпах беженцев, о множестве раненых в стоящих и ожидающих отправки медицинских поездах. Паровоз набирал скорость, но они уже почти на день выбивались из графика. До Пензы шли без остановок, на всех станциях и переездах им уступали дорогу даже воинские литературные эшелоны, но всё равно в график войти не могли. Вот и Пенза. Старинный русский город был образован по указу царя Алексея Михайловича, как крепость на реке Пенза. Сам город располагается на обоих берегах реки СУРЫ. Через него текут ещё много рек и ручьёв таких, как Пенза, Пензятка, Ардым всего бть рек и два ручья. После дозаправки их состав загнали в тупик на короткий отдых. Трофим вымыл руки и достал остатки съестных припасов,

разложил и разделив на троих раздал мужикам. Неожиданно по корпусу паровоза постучали металлическим предметом. Трофим высунулся в окно. Перед паровозом стояли три подростка в коротких штанах, босоногие и простоволосые, без рубашек и держали в руках связки сушёной воблы. «Купите рыбы, хохлы. Не дорого продаём. Свежая, жирная, в меру усоленная.» Трофим спрыгнул с подножки паровоза, взял одну связку и понюхал. Рыба была свежей и жир оставался на руках. Немного поторговавшись он забрал все три связки. «Пацаны, мы ещё на будущей неделе приедем, приготовьте только по—больше и по—крупнее. И ещё, на что менять будете?» «На табак и сало, больно оно у Вас хохлов вкусное, у нас такого нет» ответил старший из пацанов. «А как Вас найти, как тебя хоть зовут?» спросил Трофим. «Мы сами Вас найдём, а зовут меня Венькой, Вениамином значит» и хлопцы, забрав деньги ушли по своим делам. Трофим дал каждому по рыбцу. Саня такой рыбы ещё не ел в свое жизни, жир тёк у него по пальцам, особенно нравилась тягучая, чуть горьковатая икра. «Только теперь воды с собой берите, обопьёмся» съязвил Вася.

После непродолжительного сна им дали разрешение на выезд с отстоя. Семафор был зелёный и паровоз, набирая скорость, шёл к последней станции своего пути городу Саранску. Столица Мордовской АССР основан в 1641 году. К вечеру того же дня состав с новыми паровозами загнали на огромную площадку республиканской торговой базы ГЛАВОБУВЬ, где была основана новая стратегическая стоянка драгоценных паровозов с распределением через Москву. Освободившемуся паровозу Трофима после дозаправки углём и заливки водой было приказано ожидать команды стоя под парами на запасном пути железнодорожной станции Саранска. Троша отправился получать документы и продовольственный паёк на обратную дорогу для своей бригады. Ночью они прицепили к паровозу воинский эшелон с боеприпасами с доставкой его в Харьков. Эшелон охранялся солдатами НКВД и к последнему вагону состава была прицеплена платформа с арт. установкой от самолётов и вагоном теплушкой для личного состава. Перед утром паровоз Трофима СО17ть взял курс на Тамбов с 12тью вагонами, гружёнными боеприпасом. Вася небрежно пошутил: «Стоит только закурить не там, где надо и бах – бабах!» «У нас не курят» ответил Санька, а Трофим только зло глянул на своего помощника: «Не буди Бога дорог». Саня кидал лопатой уголь в топку котла, а сам думал про Бога дорог. Спросить нельзя Трофим вёл состав аккуратно, выполняя все требования на каждом из перегонов и не гнал быстро. И снова их пропускали, теперь уже в обратную сторону. На частых перегонах стояли медицинские составы с ранеными, составы с эвакуированными заводами и гражданами и просто с беженцами. Началось великое переселение народов. На не большой станции, где Трофим доливал воду в тендер, на паровоз влез солдат охраны с полным котелком горячей пшеничной каши и тремя кусками свежего серого хлеба. «Это Вам, сержант приказал, вы ведь голодные, а мы наварили пока ехали Угощайтесь пожалуйста» Солдат, принесший котелок, видимо был с интеллигентной семьи, худенький, с острым носом и круглых очках на нём. Он ещё не разучился смущаться. Трофим взял кашу и хлеб, поблагодарил солдата и выйдя на паровоз помахал рукой в знак благодарности парню в фуражке, раздававшему команды охране во время стоянки. Тот махнул в ответ и повернувшись пошёл в конец состава выставлять пост. Каша оказалась кстати. За несколько дней на сухом пайке все соскучились за горячим и теперь ели солдатскую вкусную, с тушёной кашу, как будто масло с красной икрой. Запив водой коллектив был готов к отправлению, ждали сигнала семафора.

В Тамбов прибыли к вечеру. Ещё солнце не село, а Трофим уже получил дозаправку и готов был к дальнейшему пути. Здесь, как и кругом, вся станция был заставлена эшелонами. Эшелон Трофима стоял рядом с воинским эшелонном перевозимый личный состав. В открытых настезь теплушках сидели и стояли солдаты с вещевыми мешками, но без оружия. Где—то была слышна русская гармонь, где—то просто пели народные песни. Боевого духа не чувствовалось, люди вспоминали своих родных и понимали, что война будет долгой, что многие из них просто не вернутся больше в свои дома. Кто—то писал письма, а кто—то просто спал,

лёжа на деревянных нарах—лавках на скоро сколоченных в бывших хозяйственных вагонах. Дали зелёный и Трофим несколько раз погудел, давая возможность сержанту снять посты и влезть в свою теплушку вместе с солдатами. Паровоз набирая скорость шёл на Воронеж.

Саша по малу втягивался в довольно тяжёлую для подростка, работу помощника машиниста. По дороге Трофим постоянно рассказывал ему устройство паровоза, как и за счёт чего работают все движущиеся и крутящиеся механизмы этой сложной машины, какие приборы стоят на панели управления и как ими пользоваться, рукоятки управления и тормозные рули, всё, что только касалось жизнедеятельности железного монстра. Но самое главное в паровозе это слаженная работа маленького его коллектива. Руки у паренька по не многу привыкли к однотонной работе бери по—больше, кидай по—дальше, пока летит отдыхай. Трудно было первые два, три дня, а потом вроде бы само собой затянулось, боль притупилась и стала просто привычной. Уже вошёл в ритм и ошибок, которые делал в самом начале, уже не допускал. Трофим радовался, но молчал, нельзя было даже похвалой расслабить мальчишку, превращающегося в настоящего мужчину. Теперь он работал с Василием практически на равных, правда ночью ему позволяли поспать лишний час, но он обижался, не хотел стать обузой даже в этом. Стальной характер рыжего паренька, не до любимого в детстве, да и не знавшего практически этого детства, закалялся всё больше. На не большой станции, где Трофим остановил чтобы до залить воды в тендер, солдат в круглых очках снова принёс котелок с душистой кашей и три куска хлеба. Каша была перловая дробь 16ть, как её называли сами солдаты, но хорошо уваренная, только не промытая. Саша любил такую кашу, только и мама дома, и бабушка Лена в Родаково её хорошо промывали водой после варки, и каша получалась рассыпная и пахучая, а эта была похожа на клейстер. Но перебирать не приходилось, и бригада машинистов набросилась на горячее с удовольствием.

В Воронеже не становились даже на дозаправку. Станция была забита эвакуационными составами с заводами, которые страна демонтировала и переправляла на восток, по дальше от войны, чтобы там восстановить всё и работать на войну. Стояли составы медицинских поездов, забитые ранеными бойцами. Война шла полным ходом. Говорили, что немец взял Минск и республики Прибалтики, а также Финляндия вступила с нами в войну на стороне немца. Трофим гнал состав на Харьков. Первые пол ночи Трофим, совершенно выбившийся из сил без сна, ставил в место себя более опытного Василя и на больших перегонах понемногу дремал на своём сидении. Саша в то время старался как никогда. Ему было до боли жаль своего дядю. В Харьков прибыли ближе к обеду. После такой тяжёлой ночи все просто валились с ног. Состав отцепили и дежурный маневровый погнал его под разгрузку. Паровоз Трофима поставили на профилактику и дозаправку углём и доливкой воды. На запасном пути все нашли себе свои места в кабине и просто свалились с ног. Спали около четырёх часов. В 18ть часов они уже стояли перед огромной погрузочной—разгрузочной площадкой ХТЗ, где заканчивалась отгрузка металлолома на Ворошиловский мет. комбинат. На полувагонах стояли старые советские танкетки Т17ть, танки МС—1 или Т18ть, БТ2. А также много Т38, которые пытались переделывать на трактора или тягачи, но в связи с войной проще было пустить на переплав. Стране надо было много стали для выпуска новых танков. На всё это старое чудо советской техники было больно и страшно смотреть. Состав даже не охранялся, хотя на многих машинах не были сняты ни пушки, ни пулемёты, убрали только боекомплект. Состав был большой. Трофимов СО17ть с трудом потянул его в сторону стрелки, чтобы выйти на главный путь домой. Солнце ещё было высоко, когда на небе закружил самолёт. Вася с Сашей долго присматривались: «Дядя Трофим, ты только глянь, да это же немецкий разведчик. Это же их так званая РАМА кружится над городом. Где же наши истребители?» разволновался Саша. «Так, парни, нам надо по быстрее от сюда уезжать, а то не дай —то Боже ещё и бомбардировщики появятся, а мы своих защитников то оставили. Идём без конвоя домой. Все по местам» скомандовал повоенному дядька. Стрелочник открыл стрелку и семафор разрешил движение составу с метал-

лоломом. Состав уходил в ночь. Последние 300 км пути прошли на одном дыхании. Паровоз, хотя и тяжело, но тянул ценный для домны груз. Саня с последних сил работал по очереди с Васей уже без сна, лишь бы скорее домой. Рано утром дозаправились в Сталино, через час Дебальцево и ещё через час родной Ворошиловск мет комбинат. До Родаково осталось всего 20 км пути порожняком. Отцепив состав и разобравшись с документами ребята, по—гудев заводу на прощанье, полетели на всех парах одним паровозом домой. Вот и ДЕПО. Паровозов на отправку было ещё ох как много. Работало всего четыре бригады гонщиков. Поставив свой СО на его место на стоянке и передав бригаде ремонтников с ФЗО Трофим отпустил Васю и вдвоём с Сашей пошли в контору, чтобы доложить директору о приезде и узнать, когда следующая гонка. Но Саша знал, что Трофима не к директору несли ноги, а к его Наташе и он там уже лишний. «Дядя Троша, я посижу на лавочке и подожду тебя» «Добро» ответил улыбающийся Трофим, который понял хитрость племяша.

На восьмой день вместо четырёх отпущенных, первая бригада гонщиков прибыла домой. Бабушка не знала куда их посадить и как лучше накормить. Нагрела в выварке воды, поставила по среди комнаты большое корыто, навела воду и заставила Саню первого купаться. Саша не сопротивлялся бабушке. Она мыла его голову хозяйственным мылом, потом мочалкой драла у него кожу на спине и плечах. Вымывшись и пахнувший свежестью, он ждал пока бабушка выдраит Трофима так же, как и его. Потом они в одних кальсонах сидели за столом и ели борщ с пампушками, чесноком и горьким перцем в прикуску. Потом сон. Саша спал ночь и потом ещё до самого вечера. Его не трогали и не будили. За ужином Трофим сказал: «Что, завтра снова в поездку, к нашему СО уже прицепили, теперь семь штук. Надо торопиться. Война. Там нужны наши паровозики как воздух». Бабушка вновь засуетилась. Сын и внук уходили в неизвестность, а ей снова только ждать. Она по—привычке смахнула набежавшую слезинку своим платком и пошла готовить продукты на следующую поездку своим мужчинам.

4.

В воздухе всё больше пахло войной. Подгоняла и скорая зима. Гонения на семью прекратились и рытьё следующих блиндажей решено было перенести на потом. Надо было косить на зиму траву для вернувшегося в свои стойла животных, откачать и отправить мёд в город, забить и продать мясо испорченных колхозом коров. Работы собралось много, но её никто в трудолюбивой семье Звайнисов не боялся и не прятался. Каждый был занят своим делом, и оно спорилось. На какое—то время все забыли о политике пока в посёлке среди ночи не послышалась пулемётно—ружейная стрельба. Шёл настоящий бой. Януке закурил трубку и с сыновьями в полной темноте слушали не затихающий бой совсем рядом с посёлком Кельма. Бой то затихал, то с новой силой начинался вновь. Теперь уже слышны были разрывы гранат. Неожиданно наступила полная тишина. «Кто же это такой бой советам учинил?» сам у себя спросил Януке: «Говорили, что есть в лесу мужики, вот поэтому за нас не вспоминают» поведаль Стасис. Все снова сидели тихо и прислушивались к ночи. Послышался хруст веток и тихий топот множества ног. В ворота постучали чем-то деревянным и по тому получилось глухо. Януке не стал спрашивать, приказал сынам загнать собак, а сам пошёл открывать. Через минуту отряд немцев из шести человек, в форме с автоматами, в касках и с ранцами за плечами стоял во дворе хутора. «Гутен морген» тихо сказал офицер, входя в открытую створку ворот. «Стасис, запри ворота, а Вы, господа ком, ком цю мир» позвал и махнул рукой хозяин хутора. Немцы послушно пошли за мужчиной. Усадив всех на длинную лавку Януке спросил у офицера: «Вы что, это и все?» «Я, я» «два убиты и два ранены» на чистейшем литовском ответил лейтенант: «Нам надо спрятаться, за нами русские следом идут. Мы там побили их хорошо, но к ним пришло подкрепление и сейчас будут искать». «Пусть ищут у себя в Московии, тут они ничего не найдут, тут свободная Литва» злобно сказал Костас и зло зыркнул в глаза немцу. «Гут, гут» замотал головой пришелец. «Костас вместе с Миндасом быстро выводите их всех через заднюю калитку и ведите в дом на болоте, туда они не сунутся, дороги не знает никто. И шнель, быстрее» заторопил сыновей отец, говоря то на немецком, то на своём: «И сегодня домой не возвращайтесь, придёте завтра и только когда знак будет висеть, что в доме нет чужих». Отряд, как по команде встал и пошёл след в след по одному за впереди идущим Миндаусом, Костас шёл замыкающим. Януке вышел во двор и рассыпал табак по траве, затем сыпанул за двором и только после этого выпустил своих собак. Опытные овчарки сразу же стали пытаться взять след, но унюхав табак стали интересно так чихать и успокоились. «Всем раздеться, свет в доме не зажигать, ждём гостей» уже спокойно сказал Януке набивая ещё раз свою трубку. Ждать пришлось больше часа. Подъехала грузовая машина, послышался топот спрыгивающих с неё сапог и сразу же стук в ворота. Собаки во дворе разрывались от лая. «Сейчас, сейчас, только собак загоню в сарай» закричал Януке. Через минуту, оттолкнув хозяина во дворе было уже с десятков солдат с винтовками и ручными пулемётами. Януке поклонился в пояс офицеру в полевой форме и заметив старого знакомого входящего во двор не громко произнёс: «Господин военный кого-то ищет, может я чем могу Вам помочь?» Подошедший сзади чекист протянул руку хозяину хутора и повернувшись к военному не громко сказал: «Это наш человек, активист, на него можно положиться» За тем повернул Януке к себе спросил: «Шум боя слышал?» «Ой, как слышал, даже берданочку свою приготовил на всякий случай, господин уполномоченный офицер». Чекист что—то прошептал на ухо военному, тот ухмыльнулся и согласно кивнул головой. «Ты меня прошлый раз угостил медовухой, помнишь?» «Как не помнить, я сейчас принесу» «Нет, ты нам собери с собой, мы чуть позже выпьем» «Я побежал, сейчас всё сделаю, как надо, господин офицер» И Януке в одних кальсонах потрусил в дом. «Сейчас всё сделает. Если бы все были такими, как он, порядок давно бы уже навели.» рассказывал чекист военному. Через минуту четверть медовки, кусок окорока, хлеб и сало было завернуто в белую

материю и передано чекисту. Понюхав запах окорока, он заулыбался в полный рот. Ещё через пять минут во дворе никого не было. Стасис, тихо подошедший к отцу, снова сказал; "Отец, в Вас умер великий артист». «Всё, всем спать» так же тихо ответил на похвалу Януке.

Группа шла молча след в след. Было заметно, что идут профессиональные разведчики— диверсанты. Ветка под ногой не хрустнет. До болота дошли меньше чем за час. Немного отдохнув и перекурив вырубил шесты и так же след в след пошли в топь. Здесь Миндаускас разрешил пользоваться фонарями, слишком большой риск идти ночью без света по топи. Сам он тоже засветил свою летучую мышь. Шли долго. На знакомом островке передохнули и снова пошли. Ещё через час вышли на знакомый остров среди болот. Было далеко за полночь, мелкий дождь срывался с темного неба. Миндаус услышал знакомое мычание Юриса и поднял руку. Все стали. Он объяснил немецкому офицеру, что живущий здесь сторож всё слышит, но не может говорить. После этого тихо позвал его по имени. В ответ снова мычание и тут же Юрис зажал хозяина в своих объятьях. «Вот, Юрис, принимай постояльцев на постой. Накормить, вымыть, оказать помощь и разложить спать. Юрис уже исполнял волю сказавшего. Вот уже безобидное существо, к нему с лаской он и душу отдаст. Юрис растопил срубленную им же баньку, натаскал воды в чан и бочку и доведя температуру до критической позвал туда отряд разведчиков. Сам пошёл готовить поздний ужин пришельцам и стелить всё что было по тёплым углам. Свою лавку он отдал офицеру, сам бросил кожух на сеновал. Печь в охотничьем домике работала исправно. Юрис следил за всем. Три десятка яиц были разбиты в скромную сковороду и перемешанные с козьим молоком и луком. Омлет пах на весь домик нагоняя аппетит. Выкупанные немецкие солдаты с удовольствием ели омлет и запивали его горячей водой с мёдом. Перевязав раненых все улеглись кто где смог. Отряд, даже не выставив охраны, спал без задних ног. Утром братья, дав указания Юрису слушать офицера и сказав, что скоро вернуться с продуктами для солдат, ушли в обратную дорогу.

Герда подала знак, что в доме нет посторонних, вывесила стиранные штаны мужчин, прикрепив их к бельевой верёвке прищепками за штанины, если бы в доме кто-то был, бельё весело бы наоборот штанинами вниз. Этот знак придумал Костас и сразу же всем понравился, бельё есть бельё, а как оно висит кому какое дело. Мужчины вошли через заднюю калитку, как и выходили вчера. Собаки, учуяв своих, лишь скулили от радости. Отец в одном исподнем белье сидел на скамейке под иконами и завтракал парным молоком с хлебом. «Как раз к завтраку» сказал он сынам, приглашая к столу: «Как там наши гости?» Вернувшиеся, уставшие переходом по топи, сыны пили молоко и рассказывали ночные приключения. «Сейчас забьёте маленького кабана, мать напечёт хлеба, наберёте крупы и отнесёте всё немецким гостям. Чую я, что они нам со дня на день пригодятся». После завтрака все приступили к делу. До вечера всё было готово, но посмотрев, что им двоим не донести всего, Януке решил идти с сынами сам. Дома оставались Стасис и Григонис, хозяйство оставлять было нельзя на долго, всё должно работать.

Осенние вечера холодны и короткие. Мелкий дождь мешал идти, заливая лицо, которое нечем было вытереть, так как руки были заняты ношей. Шли молча, не спеша и по большому кругу с той стороны, по которой носили ульи через топь. Там дорога была по—шире и шесты не нужны особенно. Шли по меткам и зарубкам только им одним известным. Когда совсем стемнело зажгли летучие мыши. Свет от них был жёлтым, но и его вполне хватало. К полуночи Юрис весёлым мычанием встретил группу у большой поляны. «Что, чувствуешь своих? Нос как у нашей Вильды, немецкой овчарки, за километр чует и слышит» хлопая, взявшего ношу у хозяина, Юриса по здоровым плечам, сказал Януке. «Гости в домике?» «Ууу» промычал, кивая утвердительно в ответ немой страж. «Ну а куда бы они от сюда делись?» за смеялся Миндаус.

Януке вошёл в охотничий домик и все, даже офицер встали и по—приветствовали своего спасителя. «Я вот чего пришёл, надо бы нам немного почистить в соседнем посёлке коммунистических ставленников. В своем посёлке мы с моими сынами провели зачистку. Пред-

седателя, участкового и несколько комсомольских активистов отправили в гости к умершим родичам» «Так это Ваша работа?» удивился офицер. «Наша, они вон моего Миндауса видишь, как избили?» Януке показал пальцем офицеру на младшего сына: «И, что ты думаешь мы станем молчать?» «Да, теперь я нашёл Вас, вернее ваше движение, это и была главная цель нашей заброски сюда» рассказал офицер. «Как тебя звать, как обращаться?» спросил у лейтенанта Януке. «Пока просто «Господин офицер», не могу рассказать всего. А с зачисткой это мы поможем и сделаем всё вместе, это тоже наша работа здесь в Литве». «Вы пойдите в соседний Ужвентис, всё рассмотрите, разузнайте где, что находится, потом мы с Вами составим план действий и выполним наш план» рассказал лейтенант свои условия. «Хорошо, завтра pošлю сына с невесткой туда на рынок торговать мёдом» закончил разговор Януке. Юрис принял продукты с складировал всё мясо в пустую бочку пересыпав его солью и переложив только ему известной травой вместе с крапивой. Плотнo по—ужинав свежего жаренного мяса союзники, приняв горизонтальное положение, отдыхали. С рассветом Януке с сыновьями отправились в обратный путь.

Посёлок Ужвентис находился в семи км на восток от хутора Звайнисов. Посёлок был значительно больше поселка Кельме, имел свою церквушку, раньше полицейский, теперь милицейский участок, рыночек и несколько скобяных магазинов. Здесь до сих пор ещё работал цех по переработке рыбы, которую привозили сюда с порта Клайпеды сейчас занятого немцами. Утром следующего дня, Стасис с Ядвигой запрягли двуколку и погрузив туда не большую берестяную бочку с сотами, отправились на рынок. Перед въездом в посёлок местные активисты установили шлагбаум и поставили постовую будку, в которой все сутки дежурило три вооружённых винтовками, человека. «Стой, куда и за чем едем?» прокричал вышедший в перёд молодой парень в кожаной куртке с «мосинкой» на плече. На его ещё ни разу не бритом лице играла наглая улыбка вседозволенности, с которой, по его мнению, было возможно практически всё в этом новом мире. Он поднял вверх руку приказывая остановиться. «Аааа, сынок кулака, с женой, и куда это мы такие красивые с утра направляемся?» В другое бы время размазал бы Стасис эту похабную рожу по дороге, но время изменилось: «На Ваш рынок вот едем, хотим сот немного продать или сменить на муку, ведь всё забрали» спокойно ответил парень. «Ану покажи» и охранник открыл бочонок. Запах свежего мёда ударил в нос. «Эй, хлопцы, дайте-ка тарелку, нас угостят спекулянты. Или нет?» прокричал молодой. «Дам немного» ответил Стасис стараясь не заводитьсь. «Что? Немного? Да надо всё заберём. Мироеды, Вы своё над нами уже по—издевались в волю, теперь наша очередь». «Ну ладно, ладно Вам, не скандальте, давай я наложу, хватит и нам и Вам» вмешалась и остановила не минуюмую драку Ядвига. Получив полную тарелку сот, охранник открыл шлагбаум и пошёл относить добычу в будку. Стасис ударил мерина кнутом, и двуколка пошла в направлении поселения.

Рынок располагался у самой церквушки. Шесть ровных рядов столов, вкопанных в землю с навесами над ними вот и весь рынок. Но и такого количества вполне хватало для не большого посёлка. На рынке торговали всем: свежая картошка, лук, чеснок, свежая и солёная рыба, мясо, сало, крупы и макаронные изделия, консервы, табак, конфеты. На столах с обратной стороны носильные вещи, обувь, скобяные и столярные изделия, инструмент. Стасис с Ядвигой поставили мерина, привязали его к столбу на против свои места за столом и открыли бочонок. Мёд был только у них и поэтому сразу же выросла очередь. Через два часа Стасис бросил пустую тару в двуколку, купил детям по большому мёдовому прянику и по большому петушку, купили отцу свежего табака для гостей и сигаретной бумаги, купили макарон и разной крупы. Оставшиеся деньги пересчитали, и Ядвига спрятала их в надёжное женское место. Отвязав мерина пара развернулась ехать домой. «Стойка, отец просил ещё кое-что посмотреть» и Стасис прогнал своего мерина по всему посёлку запоминая где и что находится. На обратном пути на посту их не остановили, лишь зло посмотрели в их сторону.

Радочка с Янисом встречали у ворот своих родителей и брата с женой. Они знали, что старшие без подарков их не оставят. Большие, сладкие, ванильные пряники из ржаной муки в форме медвежат и по большому сладкому петушку розового цвета были по истине царскими подарками детям. Рада стала спрашивать у старших кого ещё ей угостить своим пряником. Все улыбались милому существу и отказывались. У всех сразу же заболели зубы, а у дела Януке так вообще по выпадали. Маленький Янис поделился кусочком со своим другом—белым ягнёнком.

Стасис рассказал отцу и братьям о своей поездке в соседний посёлок. Первое, что они решили исполнить прямо сегодня, уничтожить пост и трёх охранников. Добычей должны были стать три «мосинские» трёхлинейки с патронами. Это уже более серьёзное оружие чем наганы. С них можно было изготовить три обреза. Обдумав план подхода и нападения, а затем тихого отхода решено было идти пешком. «Григонис, сходишь аккуратно в схрон и принесёшь все наганы сюда, только аккуратно, соблюдай все правила конспирации и оглядывайся по чаще. Понял?» дал чёткое указание сыну отец. Парень молча встал, мотнул головой и тихо ушёл в лес к схрону. Отец продолжал: «Ты, Миндаугас, пойдёшь без оружия прямо на пост по дороге. Тебя остановят и будут проверять, устроишь не большой скандал, такой шум, чтобы не слышали, как мы подойдём. Желательно бить ножами, чтобы без звука, но если не получится, тогда стреляем в головы, чтобы на верняка с первого выстрела. За тем забираем всё что там есть и быстро уходим, не забыв при этом выпустить их языки, как мы делали с нашими коммунистами. Всем всё понятно?» Время тянулось медленно. Вот пришёл с хрона Григонис, принёс наганы, которые все сели в большом сарае чистить и мазать. Стемнело. Около 19ти часов команда во главе с отцом вышла в дорогу. Шли молча, а потом Януке тихо сказал: «Дети, надо как-то придумать название нашей организации. Чтобы шумело и отдавало в уши всем не довольным новым строем, чтобы они искали с нами связь, только тогда организация будет расти.» «Я предлагаю название Партизаны свободной Литвы» предложил Стасис. «Нет» жёстко сказал Григонис: «Мы тут братья. Я предлагаю назваться просто «Зелёные братья» и всё на этом». Идея всем понравилась. «Решено» сказал своё заключительное слово Януке: «С сего дня мы зовёмся Лешке бролес. Лесными братьями.» К 21му часу отряд лесных братьев подошёл к тому месту, где просматривалась сторожевая будка, возле неё горел костёр и шёл запах готовящейся на огне похлёбки. «Ужин готовят гады» прошептал Миндаугас отдавая свой наган отцу. «Я пошёл» «С Богом, сынок». Парень не скрываясь шёл по дороге прямо на пост. «Стой, кто идёт?» послышался громкий окрик от шлагбаума. «Я, иду в гости к невесте, а что нельзя разве ходить стало по вечерам?» начал скандал Миндаугас. «Ты что, сам идёшь?» «Нет, с Господом Богом» «Поговори мне, сейчас как пальну» послышалось с поста. Тем временем парень уже подошёл к закрытому шлагбауму. Трое вооружённых мужчин наперевес с винтовками остановили его и стали обыскивать. Лесные братья выскочили из темноты, не дав никому опомниться. Бой был мгновенным, три удара ножами и разрезы горла с выпуском языка, завершил дело. Осмотрев и рассадив убитых и забрав оружие, боеприпасы и всё, что было у них с собой отряд так же тихо ретировался в ночь. Возле шлагбаума горел костёр, вокруг которого сидели три трупа с запрокинутыми головами и торчащими с горла ужас как длинными языками, в руках были пустые миски и ложки, по—прежнему кипела юшка с пшена так и не посоленная варившими. Со стороны могло показаться всё это каким—то шабашем, но это было очередное предупреждение власти о том, что она не одна в старой, воинственной Литве. На листке папиросной бумаги крупным шрифтом было написано «Привет от лесных братьев». Записку Миндаугас всунул в шапку одному из сидящих.

Рано утром только—только забрезжил рассвет, Януке отправил Григониса и Костаса в охотничий домик на болота: «Сидите пока там, сегодня начнутся обыски, скажем, что Вы уехали в Вильно искать работу. Возьмите с собой всё оружие, кроме дробовика. Из винтовок

сделаете три обреза, наганы спрячете там. Всё, сынки мои, в добрый путь» и вывел их через заднюю калитку в сторону болот.

Отряд немецких диверсантов—разведчиков не сидел сложа руки. По радиации связались со своим командованием и доложили, что нашли то, что искали, находятся в безопасном месте, дали координаты и запросили доставить самолётом весь, необходимый для дальнейшей работы, груз. В следующем сеансе связи им сообщили, когда встречать самолёт и где зажечь костры. Самолёт прилетел ночью и сбросил точно в заданный квадрат несколько мешков на парашютах. Солдаты доставили мешки в охотничий домик Звайнисов. Здесь было оружие и боеприпасы к нему, взрывчатка в коричневых бумажных пакетах, продукты питания в основном галеты и консервы, шоколад, кофе, сигареты. Но самое главное была доставлена форменная одежда будущего сопротивления. Тёмно—зелёная, похожая по покрою на немецкую полевую, полушерстяная с алюминиевыми пуговицами. В неё входила тёплая куртка с воротником, куртка обычная, брюки бриджи, нательное бельё и головной убор похожий на польскую треколку, только с откидными клапанами для закрытия зимой ушей, короткие немецкие сапоги. Знаки отличия отсутствовали. Но настоящим счастьем для женщин семьи Януке были шесть чисто белых, шелковых, огромных куполов немецких парашютов. Офицер приказал сыновьям Януке закопать их или утопить в болоте, даже не подозревая, что оба сына могли бы и перебить всю немецкую группу ради такого не слыханного счастья для их женщин. Они несли мешки с парашютами к себе домой через болота предчувствуя радость на лице мамы. Сколько рубашек и праздничных платьев можно было пошить с этого бесценного материала немецкой лёгкой промышленности. Вошли через заднюю калитку, предварительно заметив знак, что дома чужих нет. «Мама, мама, мы тебе с Костасом подарок принесли, вот глянь на это» и парень достал из одного мешка парашют. «Ты что в дом принёс?» всполошился Януке: «А ну ка быстро убрать с дома и сжечь». Но было уже поздно. Герда с Ядвигой уже обрезали стропы и резали парашюты на лоскуты: «Придумал тоже, сжечь. А завтра сам поедешь искать мануфактуру на рынок, чтобы на весну тебе и сынам справить по новой рубашке, а исподнее где брать нам женщинам? а ночные рубашки? А новые платья Радочке? Раскомандовался тут, гляди-ка сжечь. Иди вон в конюшне командуй, а тут мы сами как-нибудь. Молодцы, мои мальчики, думаете о всей семье, не то, что некоторые» не замолкала взволнованная женщина, которую уже невозможно было остановить, а забрать и того подавно. Януке молча вышел из дома, достал трубку, не спеша набил её душистым самосадом и раскурил. Пахучий дым разлетался по всему большому двору приятно лаская ноздри. «Ладно, чёрт не выдаст, свинья не съест» процитировал он старую русскую поговорку: «Откуда парашюты?» Сыновья рассказали отцу про самолёт, сбросивший отряду всё необходимое для жизни. «Утром пойду, надо с офицером поговорить. Пока всё тихо, никого на хуторе не было, а я никого в посёлок не пускал, вроде и не знаю о том, что случилось. Но приедут точно. Поэтому Вы снова сейчас же уходите и стропы с мешками утопите в болоте. Всё понятно? А, что не узнали, как зовут того лейтенанта? Нет, отец, они к нему обращаются только по званию и вообще мы не слыхали ни одного имени от всех их» «Ладно, уходите». Сыны сложили в один из мешков все остальные, обрезанные стропы с трудом всунули в этот же мешок и снова через калитку ушли в болота. В другое бы время Януке с этих шелковых строп знал, что сделать, но в то время он не нашёл бы ответа на вопрос—где взял? Поэтому лучше выбросить чем отвечать. И он оказался как всегда прав. Женщины успели разложить лоскуты по сундукам, теперь трудно было доказать, что тут было раньше. В ворота с силой постучали. Стасис открыл. Два грузовика с солдатами НКВД, которые спрыгивали с кузова и сразу же вбегали в большой двор хуторян. Тот же офицер НКВД, что и прошлый раз степенно вылез с легкового автомобиля и вошёл во двор. Януке со всей своей оставшейся семьёй встречали не прошенных гостей у открытого настежь дома. Януке поклонился в пояс и как всегда сказал: «Здравствуйте, господин офицер, может я могу Вам чем—то помочь?» «Да, можешь, но сначала мы проведём у тебя обыск.» «Скажите, что Вы станете искать и я

сам отдам, чтобы Вы не мучились» Офицер подошёл в плотную к хозяину хутора и глядя ему прямо в глаза тихо сказал: «Ты случаем не прячешь у себя немецких диверсантов? Они вчера перебили пост у Швекшны. Слышал уже об этом?» «Что Вы, я два дня не выходил с хутора, а три дня тому сын мой с женой возили туда на рынок мёд, а назад скупил мануфактуры и скотных товаров. Он говорил, что стоит тепереча на въезде пост, но пропускают сразу, не трогают. Может мне походить по узнать по хуторам? И потом Вам доложить, господин офицер. Это я могу. Или может что ещё для Вас сделать?» угодливо улыбаясь оперу предложил Януке. Тем временем два десятка солдат обыскивали всё, хорошо, со знанием своего дела, выполняли эту работу. Чекист подумал и позвал к себе сержанта с чёрными усами. Что-то ему сказал на ухо и повернулся к Януке: «Может ты и прав, мужик. Ты мне давно нравишься, живёшь тихо, на тебя нет ни одного доноса. Скажу правду тебе, что даже просили людей написать на тебя жалобу, практически все отказались, все тебя хвалят.» Сержант дал команду и солдаты, построившись, вышли со двора. Чекист продолжал: «Хорошо, походи, по говори с людьми, может кто-то что-то и видел, а потом мне расскажешь» «Хорошо, господин офицер, а как мне Вас найти?» шурясь спросил Януке. «Я тебе потом передам, где и когда мы увидимся.» закончил офицер. «Я Вам сейчас на дорожку соберу как обычно, можно?» Чекист мотнул головой в знак согласия и Януке побежал собирать презент.

«Отец, Вы меня простите, но мне кажется, что мы были на волосок от провала» сказал Стасис показывая глазами на моток строп, которые Герда не вложила в мешок, а повесила как бельевую верёвку около коровника. У Янука перехватило дыхание, но дело было сделано и не прошенные гости уже уехали: «Хоть убей, всё равно своё сделает. Вот у Вас и мамаша мне в жены досталась» уже отходчиво проговорил он, снимая стропы и бросая их в топку печи. Однако уйти утром Януке не смог. Всю ночь волновались во дворе умные собаки, показывая всем своим видом, что за забором кто—то прячется. Януке влез на высокой горище своего дома и в щель стал наблюдать за происходящим за территорией хутора. Ждать пришлось долго, но что, что, а ждать он умел. Бывало на охоте, зимой по несколько часов сидел не шевелясь, чтобы завалить осторожного лося или хитрую косулю, а тут сразу видно, что умный чекист оставил-таки проверку в виде наблюдателя. Но кого он хотел перехитрить? Его, старого Януке да у себя в лесу? Где каждая травинка знакома, каждая пичуга подаст голос о чужом. Долго всматривался в тишину хозяин хутора и нашёл-таки наблюдавшего. Из-под куста ещё не опавшего орешника блестели стёкла бинокля. Януке спустился, убрал лестницу и стал на виду у наблюдателя устраивать представление. То на сына накричит, то жену куда—то пошлёт, то собак по двору гоняет, то выпустил пару свиной и час чухал их по спинам, от чего те получали массу удовольствия. Тем временем Герда сняла сухое бельё и повесила новое, только штаны вывесила уже по-другому, давая понять, что заходить во двор нельзя, что за ними следят. Ближе к вечеру Януке громким голосом, чтобы было слышно наблюдателю, приказал сыну вечером вывести собак на прогулку за двор. Этого хватило, чтобы окончательно замёрзший наблюдатель ретировался на доклад к своему руководству. Януке ушёл в ночь.

Разговор с офицером вермахта был не простым. «Кто Вам позволил самостоятельно принимать такие решения и нападать на пост?» спросил он у рассказавшего ему всё Януке. «А у кого мне надо было спрашивать? Вы что предлагает мне по каждому вопросу бежать на болота, за советом?» «Да, по каждому, в противном случае не будет порядка в наших с Вами отношениях, господин Януке» отвечал офицер. «Вы даже имена свои от нас скрываете, а хотите, чтобы я Вам всё говорил» высказал претензию хозяин заимки. «Ладно, давайте на первый раз всё забудем. Молодцы, что показали свою силу к сопротивлению. Нам необходимо главное, не убивать их по одному, а уничтожать сотнями и сразу. Для этого нам надо наладить связь с Шауляем. У Вас есть там знакомства?» «Да, там живут два моих родных младших брата близнеца. У нас там небольшое дело и два магазина» «Это хорошо» заметил офицер: «Будем организовывать массовую диверсию в городе. У нас есть взрывчатка, которую мы сможем заложить

на хлебозаводе или в большом магазине, в кинотеатре или каком-то клубе во время их постоянных выступлений. Коммунисты любят разглагольствовать на все темы и по долгу, так что время у нас будет.» «Да, господин офицер, это и в правду серьёзные дела, но и нашими надо заниматься, чтобы не забывали лесных братьях» подытожил Януке. Отец с сыновьями получили полные комплекты одежды, только одевать её следовало на операции по уничтожению режима, а на ходить в ней постоянно выдавая себя. Одежду сыновья отнесли вместе с оружием в их схрон. Януке послал Миндаугаса в Шауляй за младшими братьями: «Сынок, скажи, что разговор пойдёт о Раде, ей в школу надо поступить в 1941м году, у нас рядом хороших школ нет, вместе со всей шантрапой я ни её, ни внука отдавать не намерен, так, что дети переедут к ним в город, так и скажешь и пусть не тянут едут сразу и тару на мёд возьмут».

5.

Старший лейтенант НКВД Константин Мосин, следователь Выборгского района Ленинграда, срочно был откомандирован в Клайпеду с отрядом войск НКВД для расследования гибели участкового уполномоченного Николая Прокопенко. С Николаем их связывала давняя дружба с детства. Выросли они в 56м детском доме Выборга, оставшись без попечения родителей или родственников. Костя помнил, что ребёнком он жил с родителями в большом деревянном доме в деревне, что у отца была своя мельница, своя конюшня с лошадьми, с которыми он маленьким любил общаться и кататься на их спинах крепко держась за гриву. Помнил, что этому его учили его старшие братья, вот только ни имён, ни своей фамилии он не помнил и деревню то же не знал. Помнил одно, что пришли люди в кожаных чёрных куртках и стали всё отбирать, а их сажать на большие подводки и увозить куда-то. Потом мама лесу спихнула его с телеги и сказала: «Беги, сынок». Он плохо помнил куда и зачем бежал, потом его нашли в лесу чужие бабы и привели в какой—то дом. Так он оказался в детдоме. Со временем память стёрла все воспоминания. Он твёрдо был уверен в том, что выбрал правильную дорогу в жизни. Учёба ему давалась легко, уже в седьмом классе он вступил в комсомол и стал активистом.

Коля Прокопенко попал в детский дом чуть старшим и помнил своих родителей, фамилию и имена папы и мамы. Папа и мама были учителями в духовной семинарии, отец читал словесность, мама арифметику и математику. Но их в чём—то обвинили и вывезли в Сибирь, а его отправили сюда в Выборг. Став по старше его заставили отказаться от родителей, но фамилию оставили прежнюю. Мальчики были совершенно разные Костя – огонь, Коля слабо текущая вода. Но что—то их всё же связывало между собой. Была какая—то тайная совместимость их душ. Их дружбу заметили и наставники детского дома. Если они по какой—то причине не виделись больше дня, оба не находили места, за—то встречи были тёплыми, но на минуту и тут же мальчики могли вступить в какой-то спор между собой. В школу НКВД поступали оба. Костя прошёл с первого раза, а Николай не выполнил что—то по спорту и его не принимали. Тогда и Константин пришёл забирать документы. Спас их дружбу комиссар школы. Выслушав парня, он поднял документы Коли и сразу сообразив, что он хороший ученик, внёс предложение и мальчики не расстались. Три года пролетели как миг и в июне 1939 года два лейтенанта получили направления на службу. Костя остался в своём Выборгском районе следователем, а Коля распределился в Кировский район на должность оперуполномоченного ОУР по борьбе с бандитизмом. Служба у обоих шла нормально. Костя мигом усвоил все правила следователя и выполнял свой план, а Коля ловил преступников по старым дворам Ленинграда и радовался каждой общей победе над ними. Началась Зимняя война с Финляндией и Николай Прокопенко в составе своего отдела принимал участие в ликвидации диверсантов.

Летом 1940 года Литва вошла в состав СССР, как союзная республика. Не всё было спокойно с её вступлением, хотя и кровь там не пролилась, положение было крайне тяжёлым. Коля попал в списки откомандированных в Литву для установления Советской власти на местах и коллективизации сельского населения. Получив предписание и все документы, он приехал к другу в его общежитие чтобы по прощаться. «Знаешь, Костик, у меня такое предчувствие, что мы больше не увидимся с тобой, мой единственный друг и брат» сказал Коля. Парни сидели за столом один на против другого и глядели друг другу в глаза. «Мне кажется, что там тихая война идёт. Это не та, где я был не так давно. Это война со спины.» «В каком смысле со спины? Ты думаешь, что наше государство их силой заставило войти в состав СССР?» возмутился Костя. «Думаю, да». «А ты не думай, выполняй свои обязанности и всё» «Так и будет». Обнявшись, ребята расстались. Не хороший осадок остался на душах обоих друзей. «Пиши мне, Коля. Всё пиши, что можно конечно» «Добро, и ты пиши. Прощай друг».

Весть о гибели друга сильно поразила Константина. Он узнал, что готовят группу для расследования этого случая и придя к начальнику следственного отдела в жёсткой форме предложил свою кандидатуру. Отряд с 25ти солдат войск НКВД, двух сержантов и только что получившего звание старшего лейтенанта следователя Константина Мосина, выехали по месту требования приказа.

Холодная осенняя Литва встретила их не приветливо. В районах практически отсутствовало руководство всех уровней ещё не приступившей к своим обязанностям новой власти. Люди жили сами по себе, власть сама по себе. Только—только зародившиеся колхозы были распущены, возникали очаги сопротивления, активнее стали и немецкие диверсанты. На большом и старом погосте поселения Кельма появились первые две могилки с красными звёздами на деревянных памятниках. Костя стоял на против могилы друга, скупая мужская слеза не давала покоя, стараясь вытечь с глаза офицера. «Друг мой, я клянусь найти и уничтожить тех нелюдей, которые забрали твою молодую жизнь и поступили с тобой так жестоко» тихо проговорил следователь свою клятву другу.

Утром следующего дня силами солдат НКВД начались облавы на дорогах, обыски по хуторам. Первое, что сделал Костя—выставил пост активистов на въезде в поселение, дав им все полномочия и вооружив винтовками. Они могли арестовывать всех, на их взгляд, не благонадёжных граждан и доставлять в милицию поселения для дальнейших разбирательств. При сопротивлении аресту они могли стрелять на поражение. Но куда это ни к чему не привело. Хутор Януке, да и сам хозяин с его угодливой улыбкой и старорежимными поклонами и обращениями понравился молодому следователю. Здесь было как—то всё по-домашнему. Всплыли старые детские воспоминания, отрывки очертаний родственников и самое главное Герда напомнила ему его маму. Но служба есть служба и он выставил наблюдателя, который, впрочем, ничего не сообщил интересного и Мосин решил оставить пока этот хутор в покое, размышляя хоть иногда приезжать к радушным хозяевам поесть домашнего, да взять что-то с собой. Отряд разместился в большом доме зажиточного литовца на самом краю поселения, выселенного со всей семьёй и вывезенного в Сибирь. В большом деревянном, тёплом доме сбили несколько рядов нар и привезя с Шауля матрасы и постельное бельё устроили что-то вроде казармы. У входной двери сидел часовой—дневальный с автоматом ППШ. Костя разместился в маленькой, без окон комнатке, служившей видно прежним хозяевам чем—то в виде кладовки. Для него нашли железную кровать с сеткой. В другой, такой же маленькой и без окон комнатке разместили оружие набив в стены гвоздей для того, чтобы оно просто висело на ремнях. Здесь же стоял и пулемёт Дегтярёва, и ящики с патронными цинками. Получилось вроде бы не по уставу, но удобно. Каждый день отряд выходил на задания, которые придумывал следователь.

Жестокая расправа над постом, зверское убийство троих активистов сильно поколебало доверие к Советской власти, да ещё и бой с немецкими диверсантами подлил масла в огонь. Костя чувствовал, что у него нет опыта и слабо всё получается, но клятва, данная им на могиле друга перевешивала неудачи. Приближался праздник Великого Октября, который местное население будет отмечать впервые. Утром 7го Ноября пошёл сильный снег с дождём. Не большой морозец превратил сразу все дороги в сплошной каток. Константин принял решение дать личному составу сегодня выходной, приготовить горячий обед и ужин и просто привести себя в порядок. Солдаты восприняли всё с благодарностью. Ничего не предвещало беды. В хорошо натопленном большом доме повар готовил на печи обед по всем правилам, солдаты грели воду и приводили себя в порядок. Кто—то стирал форму, кто просто лежал на своём месте давая телу отдохнуть от походов по лесам и болотам. Первый и единственный выходной.

6.

Погода способствовала лесным братьям. Шёл сильный снег с дождём, болото немного промёрзло и можно было выводить немецкую группу в помощь отряду сопротивления. Януке с сыновьями решили этой ночью напасть на казарму с солдатами и уничтожить всех пришлых завоевателей. Но силы были не равные. Януке ушёл на болота за помощью заставив сыновей готовиться к бою. Стараясь идти по подмороженной траве, Януке несколько раз терял равновесие поэтому срубил себе шест. Болото подмёрзло и идти было на много легче. Через два часа пути он вышел к своей сторожке. В окнах горел свет, чего он не допускал днём, будучи экономным хозяином. Юрис что-то чистил в сарае. Завидев хозяина, он радостно замычал и побежал на встречу. «Бедный, безобидный телок» подумал про себя Януке здороваясь с парнем. «Где гости?» спросил хозяин. «У, у, у,» тыча пальцем в дом мычал Юрис. «Все?», Парень мотнул давно не стриженной головой в знак согласия. Януке вошёл в горницу. Гости сидели вокруг стола и играли в карты. Офицер мирно спал на своём месте. Все, как по команде поднялись и приветствовали пришедшего. Встал и офицер. Пожав руку Януке, он спросил: «Что нового? Не прибыли ещё братья с города?» «Пока нет, ждём сын там тоже» «Что тебя привело, старик?» спросил офицер, подкуривая огрызок сигары. «Господин офицер, я прошу Вас оказать нам помощь. Мы хотели бы сегодня напасть на русский отряд прямо в доме, где они устроили себе казарму. Погода для этого просто исключительная, сегодня у них какой-то их большой праздник и они отдыхают. Ворвёмся и перекрошим их всех сразу.» закончил озвучивать свою просьбу хозяин. Офицер повернулся к игравшим солдатам и позвал: «Хельмут, ком» Это было первое имя, которое услышал старик от гостей. «Вот нам предлагают перебить сегодня отряд НКВД прямо в казарме. Ведь сегодня их главный коммунистический праздник. Вот мы и поздравим их» «Стрелять не будем, как уснут перебьём шомполами» ответил Хельмут. «Ты сможешь провести нас по такой погоде?» «Да, мы можем выдвигаться прямо сейчас по видному. Пойдём к нам на хутор, с него по темну до казармы, потом снова на хутор, а утром я отведу Вас назад сюда» проговорил Януке. «Всё, всем общий сбор, через четверть часа выходим» уже жёстко отдал приказ всем офицер. Никто не сказал ни единого слова, молча встали, оделись, проверили оружие и выйдя на улицу построились в одну шеренгу. Лица все суровые, каменные и глаза— это не людские глаза, а зимнего голодного волка готового убивать всё, что только попадётся на его пути. Януке учился сам организовывать и командовать. Он не был никогда в армии и военному делу обучен не был. А вот пришла пора, когда в место мирного крестьянина—хуторянина, который кормил свою страну выращенным своими руками, на своём личном поле хлебом, молоком, мясом и мёдом, приходилось стать воином, чтобы всё это защитить для своего рода и будущего поколения. И теперь не важно добрым ты был или злым, ты шёл убивать себе подобных, за своё добро, за свою веру, за свою жизнь. Так было всегда, или ты или тебя.

Отряд прошёл болото и без проблем дошёл до дома Януке со стороны леса. Хозяин хутора внимательно по смотрел на висевшие штаны. Они показывали, что дом свободный. За забором стали визжать, узнавшие хозяина, собаки. «Пошли» тихо скомандовал Януке. Отряд тихо ступая вошёл в большой двор заперев за собой калитку в заборе. Расположив солдат в большой комнате, он попросил своих женщин накормить отряд горячим обедом. Герда закрутилась у печи, ничего страшного не было, подумаешь шесть лишних ртов, кормили и больше народу сразу, но тут было совсем иное, это были не просто гости, это немцы. Ядвига чистила картофель, Стасис принёс с подвала окорок и всунул его в печь разогревать. По дому сразу же пошёл вкусный запах. Солдаты зацокали языками. Они уже разделлись и умылись с дороги, а теперь ловили ноздрями запахи будущего обеда тихо разговаривая на своём языке между собой. Уже варился картофель, когда Герда разбила на большую сковороду десятка четыре

куриных яиц. С оранжевыми желтками, они смотрелись на сковороде как огромный подсолнух во время цветения. Всё было уже готово, когда Януке спросил: «Господин офицер, может по стаканчику медовки?» «Найн, найн, только после операции, вот вечером, мы надеемся и поужинаем у Вас, тогда и пропустим по стаканчику». И опять ни одного возражения словам лейтенанта. Ели шумно, хваля хозяйку и всех присутствующих за щедрость и хороший прием. Офицер позвал к себе детей и извинившись, что одна, достал с нагрудного кармана не большую плитку шоколада, отдал её Раде. «У меня в Германии тоже дочь и сын остались» чуть погрузневшим голосом сказал он. Рада разломил шоколад пополам, отдала вторую часть мальчику и улыбнувшись офицеру сказала: «Благодарю Вас, господин офицер, только не знаю, как Вас зовут» Наступила тишина. Офицер поцеловал девочку в головку и ласково произнёс: «Я тебе обещаю, что придёт время и ты моё имя узнаешь первая, а пока просто нельзя». Дети пошли в другую комнату, а Герда поставила чай, заканчивая обед.

Мелки дождь, наделав гололёда, сменился обильным снегопадом. С грязно—стальных туч не переставая сыпало и сыпало. Погода способствовала задуманному. До казармы НКВД от хутора расстояние около 7ми км. По такой погоде идти больше часа. Вышли в 22часа с расчётом, что пока они придут, все солдаты будут уже спать, а первый сон самый сильный сон. Григонис и Костас шли первыми за тем шестеро разведчиков и завершали движение Януке и Стасис. Отряд был вооружён автоматами, а мстители обрезками и наганями. Хельмут шёл четвёртым в строю и вторым за своим командиром. На посту, разбитом совсем недавно отрядом Януке, никого не было. Шлагбаум со скрипом качался на ветру. Начался посёлок Кельма, вот и дом старого Чауша, выселенного за пропаганду и вывезенного в далёкую и страшную русскую Сибирь. В окнах темно. Отряд собрался вокруг Хельмута: «Слушайте меня внимательно» начал он и старик понял, что он не просто солдат: «Стрелять, значит поднять шум, это только в крайнем случае. Убивать станем шомполами, которые приготовил нам хозяин хутора с сыновьями. Тихо, без шума, подходишь к спящему врагу, подносишь шомпол к его ушной раковине и резко будишь его другой рукой за плечо всовываешь шомпол в ухо. Человек проснувшись кричать не станет сразу смерть. Все всё поняли? Дневального я беру на себя, часового тоже. Всё» «Кто, что не понял?» теперь уже спросил офицер. Все молчали. «С Богом, пошли».

Лезвие большого офицерского кортика вошло в горло дремавшего часового, как в масло перебив сразу гортань и сонную артерию. Парень с треугольниками ефрейтора, умер сразу. Вытерев об него клинок Хельмут тихо подошёл к входной двери и приоткрыл её, но войти не стал. Сквозняк погнал холод и дневальный, что-то бурча себе под нос, вышел чтобы её закрыть. Удар в горло был таким же сильным. Хельмут взмахнул рукой давая команду всем войти и вошёл первым, за ним пять разведчиков вермахта и только потом вошли лесные братья. В коридорчике никого не было. В большой комнате слышен был храп спящих и хрипы умирающих. Януке повернул в сторону оружейной комнаты и в открытой кладовке услышал шорох. Он вошёл туда. На кровати мирно сопя носом спал тот офицер, которому его спине приходилось кланяться. Старик приставил шомпол к его уху толкнул в плечо и с силой налёг на прут. Что-то внутри головы хрустнуло и стержень вылез с обратной стороны головы испачкав кровью наволочку подушки. Советский офицер даже не проснулся, он был уже далеко, в гостях у своего друга по детскому дому. Януке достал и вытер свой шомпол, вышел с кладовки, ставшей последней спальней чекисту и пошёл в ружейку, где на гвоздях висели автоматы ППШ, у стены стоял пулемёт «Дехтярёва» и самое главное несколько ящиков с патронами. Это сказка, сразу столько автоматов и пулемёт. Можно вооружить уже хороший отряд мстителей. Всё загрузили в кузов, стоящей во дворе полуторки с лавками сидений в кузове. Хельмут сел за руль, Януке рядом показывал дорогу, все остальные в кузове. Стасис хотел всё поджечь, но офицер строго запретил, сказав, что до утра никто не кинется, а за это время мы уйдём. Снег не утихал, сыпал и сыпал. Машину разгрузили во дворе и Стасис с Хельмутом поехали к ещё не замёрзшей Дубисе её топить. Вернулись они за полночь. Все уже спали, плотно поужинав

и выпив медовки. Ждали возвращения только Януке с офицером, да жена с матерью. «Всё, утопили не видно, а ещё корочкой возьмётся. Снегом засыпало всё, мы шли, даже колеи не видать до хутора, так метёт» отчитался перед отцом сын, садясь вместе с Хельмутом за стол ужинать. Дело, к которому готовились, было выполнено. Теперь все будут твёрдо знать, что в их районе работает отряд лесных братьев, которые не дадут советам жизни в их родной Литве. Рано утром Стасис с братьями погрузили всё на сани запрягли мерина и повезли в схрон, а Януке ушёл с отрядом на болота. Все ждали гостей с Шауляя.

Удачно добравшись до большого города, Миндаугас его не сразу узнал. Когда—то тихий и спокойный Прибалтийский город с красивым названием Шауляй, в котором на каждом углу были открыты кафе и частные магазинчики, продававшие всё, что только душе угодно, процветала фабрика «Гульбе», текстильные фабрики обществ «Триничай» и «Майстас», завод удобрений «Унион», служили людям институт Торговли, драматический театр, Республиканский педагогический институт, радиостанция, сейчас превратился в город призрак и стоял не убранный, не ухоженный, с закрытыми кафе и магазинами, с кучами мусора под домами на старинных улицах знавших на своих бульжных мостовых поступи великих королей. Но появились и новшества, множество красных флагов на зданиях и ярких расписанных лозунгами, транспарантов.

Дом, в котором жили братья Витаус и Владис находился не далеко от соборной площади, по улице Линденштрассе, между парковой зоной и учебными кварталами. Витаус жил в гражданском браке с маленькой, похожей на Дюймовочку со сказки Андерсена Мартой Чавиус, заботливой и вечно чем—то занятой. Всё у них было бы хорошо, но Бог никак не давал им детей. Владис, глядя на брата, на все его старания и мучения, отменил свою свадьбу и теперь жил холостяком, работая вместе в своих двух сладких магазинчиках. Братья не были скупыми, были случаи, что они раздавали мёд под честное слово, что оплатят и забывали записывать кому отдали. Своих родичей малышкой очень любили и баловали, особенно Раду. Когда старший брат с Гердой приезжал в город и брал с собой дочь, всё переставало устойчиво работать. Братья преображались и становились настоящими детьми. Они могли носить малышку на руках или плечах предварительно надев ей на голову самодельную корону, ругались за право покормить девочку, старались друг от друга в тайне что-то ей красивое купить. Герда не могла спокойно на это смотреть, а Марта, бурча и поддерживая её прилюдно, сама втихаря совала малышке вкусности. Януке был этим доволен и как старший в семье—поощрял. Разговор о том, что молодёжь переедет сюда жить вёлся уже давно и горожане ждали, пока дети подрастут и станут школьниками. Время подошло в тот год, когда их Литва, их Родина, была просто оккупирована Красной Армией и стала одной из советских республик. Владис уже давно договорился с директором девчачьей школы, что их Рада будет здесь учиться. Яниса определили в мальчиковую школу, которая находилась рядом со школой Рады по улице Данес. До сентября ещё почти год, но в связи с обстоятельствами решать проблему надо было сегодня. Миндаугас поднялся по ступенькам небольшого крыльца и позвонил в знакомую дверь. Почти сразу её открыла поворотливая Марта. «Ой, племянш приехал, Витаус, Владис, приехал Миндаус!!!» закричала она в длинный коридор. Братья были дома. Каждый одет в длинный велюровый халат с завязанными на животе поясами и домашних туфлях выглядели на первый взгляд комично. «Здравствуй Миндаус, как добрался? Ведь по наступившим временам транспорта нет, всё забрали в общественные колхозы какие—то, извозчики и те спрятали свои тарабаны подальше и лошадей вывезли с города, чтобы коммунажи не отобрали.» за минуту рассказал все подробности городской новой жизни Владис. «Меня отец прислал, чтобы Вам сказать, что надо бы приехать к нам с тарой на мёд и определиться по младшим, им же в школу идти». «Всё оно конечно понятно, только проблем с мёдом теперь будет много. Магазины наши русские закрыли, а мёд теперь за копейки заставляют сдавать в заготпункты районов. Так, что придётся его продавать на рынках по месту или вывозить в город на центральный рынок. Короче горе

пришло.» продолжал рассказывать Владис. «Тут такое творится, жуть!» вписалась в разговор Марта: «Убивают их власть на каждом шагу, почти каждую ночь погромы и убийства. Сегодня вон на площади двух молодых комсомолок повесили, прямо на воротах рынка. В рванье оде-тые за то со значками их Ленина, вождя значит ихнего» и Марта зачем—то понюхала свои руки, вроде бы это она их туда заперла и теперь не могла отмыться от их запаха. «Да и у нас тоже война с новыми властями, вот видите на моём лице уже начали заживать их ласковые отметины новой жизни» рассказал парень. «Всё равно Вам ехать надо, отец приказал». Со словом приказал, разговоры закончились, если старший брат так говорил, значит случилось что-то очень важное и надо ехать. «Ты хотя бы разденься с дороги, а то уже назад двигаешься, отдохни день другой, а мы пока соберёмся в дорогу» хлопая парня по плечам закончил встречу Владис; «Марта, готовь обед и достань там медовку, мы за приезд выпить хотим». «Выпить они захотели, ты погляди на них, каждый день у них поводы на медовку, обойдёте» бурчала маленькая женщина, доставая со шкафа четверть и лейку, чтобы разлить жидкость по графинам. За обедом Витаус, до этого молчаливый, рассказал, что на рынке слышал, как люди между собой шептались, что-то там, то тут возникают очаги сопротивления новой власти, что русские вводят всё новые и новые части НКВД для успокоения народа и выявления и ликвидации преступников, которые чинят по их рассуждениям, все бесчинства в стране. Рассказал, что новые правители уже свалили у ратуши памятник «Боруссии» и теперь постамент пустовал. Что перед большими праздниками их Октябрьской революции, введут комендантский час и ограничат свободное перемещение граждан. По городу пошли вооруженные патрули, въезды и выезды с города только по специальному разрешению. По городу быстро разнеслась весть, что в посёлке Кельме отряд лесных братьев ночью расправился без единого выстрела с отрядом НКВД, забрал грузовик с оружием и боеприпасами и благополучно скрылся в лесах. Хоронили чекистов на уже известном погосте. Рядом с ранее убитым участковым появилась ещё одна могила русского офицера, а чуть дальше большая братская могила всего погибшего за свободную Литву, русского отряда. Первые звёзды появились на старом католическом кладбище. Два друга снова были вместе.

После обеда Марта постелила кровать и Миндаус с удовольствием растянулся на свежей постели. Сон после долгого пути и не большого количества спиртного, быстро овладел юношей. Заботливая женщина укрыла племянника мужа одеялом и ласково поправила подушку. Смахнув набежавшую слезу по не растроченной к детям материнской любви, она пошла заниматься своими бытовыми делами по дому. Братья сели обсуждать тему отъезда к старшему брату. «Не самое лучшее время выбрал Януке» сказал Витаус: «Можно попасть в не совсем приятное положение. Он просто не знает, что магазины власть закрыла, что нас строго предупредили о спекуляции продуктами питания, что заставляют найти работу и зарегистрироваться по её месту. Всего он пока не знает, поэтому спешить не будем, пусть племянник у нас поживёт, а мы его будем посылать в город и получать нужную нам информацию. Он не совершеннолетний пока, с него мало спросу». На том и порешили. Проснувшись Миндаус получил от дядей ответ и успокоился. Ему давно и самому очень хотелось пожить в городе, а тут такая возможность. «Будешь каждый день ходить в город и внимательно наблюдать за властью, а потом нам всё интересное рассказывать. Понял?» «Да» ответил парень. За тем он подробно рассказал им о том, что случилось с ним в их поселении и как отец с братьями расправились с пришлыми, чтобы его освободить. Братья переглянувшись поняли о чём пойдёт разговор со старшим братом. Они и сами давно уже были готовы взять в руки оружие. Подумав ещё всё же решили немного подождать с отъездом на хутор.

Дни шли за днями, а отъезд всё откладывался. На первые праздники Октябрьской Революции проводилось множество митингов, украшенных красными флагами и транспарантами, портретами вождей революции и мировых вождей с большими бородами. Люди путались в названиях мероприятий и датах, да и сам русский язык был малопонятен большинству граж-

дан Литвы. На митингах вспыхивали ссоры и обиды за то, что всех пытаются уровнять в новой жизни, что у многих в городе отобрали частную собственность, лишив тем самым всех средств к существованию. Много было и радостных лиц, которые с удовольствием пели чужой гимн «Интернационал» и размахивали по улицам красными флагами. В школах ввели обязательным изучение русского языка, открыли что-то на подобие ликбезов, где масса русских преподавателей учили писать и читать на чужом языке. Элитные школы превратили в обычные и остро стал вопрос об образовании Рады. Всё это Миндаус, бродя днями по не убранным улицам когда-то красивого города, рассказывал вечерами своим родичам за вечерней трапезой. Началась зима. Снег сыпал и сыпал, улицы никто не чистил, машины не могли подвозить хлеб по не многим магазинам, оставшимся открытыми после оккупации. Городу грозил голод. На работающих предприятиях начались волнения трудовых коллективов. Тогда власть пошла на крайние меры, начались массовые репрессии. Всё повторялось по давно заученному сценарию. Не довольных семьями грузили в вагоны теплушки и тысячами вывозили в Сибирь на поселение. Прошло больше месяца, прежде чем братья Витаус и Владис вместе с племянником Миндаугасом взяли подарки для малышей вышли и дома и направились на выезд из города, чтобы к темну прийти на хутор брата. На транспорт никто не рассчитывал, только на свои ноги. Вот и указатель на Ужвентис. Повернув, трое мужчин пошли по глубокому снегу на встречу резкому Прибалтийскому ветру, даже сюда приносимому запах Балтийского моря. Идти было тяжело поэтому шли молча. Пост на дороге постарались обойти, благо ветер дул прямо в будку и дверь в ней была закрыта, а сами постовые находились в ней. После двух часов пути начался смешанный лес. Здесь стало немного легче, не было больших перепадов, снег лежал равномерно и не так дул надоевший муссон. Дорога была новой, её проложили в 1939м году, основательно, не на один сезон. За всё время пути им встретилось всего три телеги, одна везла гору соломы, во второй и третьей две женщины везли бидоны полные молока с новообразованного колхоза на молокозавод. «Не пройти бы поворот на Кельме, там по лесу ещё с 4ре км и хутор» волновался Миндаус. «Не переживай, я его на нос чувю» ответил Витаус. И в правду, дойдя до места поворота он свернул в лес и пошёл первым по только ему известной тропинке постоянно оглядываясь и торопя остальных. «Давай те чуть шевелитесь, я думаю, что вот-вот начнётся снегопад. Надо быстрее выйти с леса». Через час показались огни хутора. Подняли лай собаки, но услышав окрик Миндауса, завизжали, заскулили, всем видом показывая, что узнали молодого хозяина. Януке сам otvorил большие ворота впуская пришедших. «Что-то быстро вы пришли, не прошло и два месяца. Видать с Германии пешком пробирались» шутил он, обнимая всех по очереди своими огромными и сильными ручищами. «Ой, сынок вернулся, Миндасик наш» Герда поцеловала сына в щеку. Пришедшие вошли в дом и стали раздеваться. Вся семья Звайнисов была в сборе.

Мальши веселились больше всех. Получив свои сладкие и не только подарки от приехавших, они не слезали с их коленок. Раду не спускал с рук Витаус, чуть ли не до ругани с братом, пытался её забрать к себе на руки Владис. Они превратились в детей и гоняли по комнатам, как маленькие вместе с малышами. Никто им не мешал, Герда только улыбалась великовозрастным баловням, а Януке покуривал от удовольствия свою трубку глядя на бесившихся братьев. Семья готовилась к ужину. Ядвига готовила гуся с яблоками. Соскучившийся за маминой лаской Миндаугас тёрся около неё, заглядывая ей в рот за каждым словом.

После сытного и шумного ужина, женщины, убрав со стола грязную посуду ушли её мыть, вывив малышей с собой. Мужчины сидели за большим столом. Бутыл медовки, стаканчики и трубка у Янука, всё, что осталось на месте. «Стасис, налей всем по стаканчику, сейчас будем разговаривать на нашу тему» приказал хозяин дома. Сын безоговорочно исполнил его волю. Выпили сладко—крепкого напитка. «Братья мои» начал Януке: «Я позвал Вас сюда, чтобы посоветоваться, как нам дальше жить при новой власти, которая не даст нам жить так, как мы привыкли, которая пытается у нас всё, что наживали наши отцы и деды, что мы создаём, чтобы

оставить своим детям и внукам, всё это у нас отнять и надо верить моему слову, в конце концов отберут. Мы начали свою борьбу с захватчиками, у нас уже есть и определённые успехи, мы очень хорошо вооружены, мы нашли поддержку со стороны Германского командования в лице их развед группы, которой мы помогаем, и которая у нас живёт. Но этого мало. Братья мои, завтра я познакомлю Вас с командиром этой группы. Он имеет рацию и связь с командованием. Они хотят с нашей с Вами помощью проникнуть в город и устроить ряд диверсий. Мы им станем помогать. Готовы ли Вы, мои младшие братья пойти на это?» закончил он вопросом своё выступление. Витаус и Владис переглянулись между собой, как будто давая возможность сказать: «Мы, брат и племянники, сюда и приехали по этой же причине. У нас уже отобрали наши магазины, лишив хорошо налаженного товарооборота. Теперь мёд надо просто почти бесплатно отдавать этим плебеям, голодранцам, которые ещё вчера стояли к нам в очередь за милостыней. Мы согласны на всё, мы с братом готовы даже взять в руки оружие.» горячо выпалил Витаус. «Нет, дорогие братья, Вам оружие мы давать не будем, да Вам оно и не требуется. Вы будете работать наводчиками, а бомбы класть и взрывать их будут профи. Да и не умеете Вы стрелять.» ответил Януке. «Сможем мы у Вас разместить на время несколько человек диверсантов?» «Конечно сможем. Сами магазины то закрыли, а помещения ещё не отбирали, не знают, как и куда их девать. Ключи у нас, а там можно закрыться и в подсобках тепло и спрятать всё что надо можно» ответил Владис. «Вот и хорошо, на этом сегодня совет и закончим» решил хозяин. Все быстро рассосались по дому. «Ах, как же всё таки хорошо дома!», думал засыпающий на своём месте, Миндаугас: «Хотя и у тётки тоже не плохо...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.